

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Куно

БЕЗУМНЫЙ РЕЙС

Другие Миры (АСТ)

Ольга Куно

Безумный рейс

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куно О. А.

Безумный рейс / О. А. Куно — «АСТ», 2019 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-113043-5

Доводилось ли вам под влиянием момента поступать вопреки собственным принципам? Именно это произошло с зоологом Мариной Гинсбург, когда она поддалась эмоциям и похитила из лаборатории редкого инопланетного зверя, чтобы спасти его от смерти во время научного эксперимента. В один миг из преуспевающего учёного она превратилась в беглую преступницу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113043-5

© Куно О. А., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Куно

Безумный рейс

© О. Куно, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий!
Фильм «Чародеи»

Звон бьющегося стекла резанул по ушам, заставляя отскочить от окна. Алекс, молодой лаборант, устроившийся на работу в Центре с полгода назад, прижался к стене с правой стороны. Мы с Янлин заняли позицию слева. После непродолжительной тишины снаружи возобновились гневные выкрики. Нервно переглянувшись, мы позволили себе отдышаться.

Нашими действиями руководил инстинкт самосохранения, но на самом-то деле сейчас в нем не было нужды. Разбить окно, сделанное из герцианского стекла, практически невозможно, разве что из эксплоудера по нему палить. Сегодняшняя акция была не первой, да и поведение обитателей лаборатории не всегда предсказуемо, поэтому ее владельцы уже давно озаботились вопросом безопасности. Так что демонстранты, скорее всего, крушили предметы, которые сами же и притащили с собой. Например, били о столбы бутылки из-под пива. Не слишком «по-зеленому», конечно, но с них станется. Они же борцы за правое дело, а такие люди считают, что им простительно решительно все.

Понимая, что инстинкты инстинктами, а прятаться все-таки глупо, мы потихоньку сошли с занятых позиций.

– Черт! Упорные ребята! – выдохнул Алекс.

– И колоритные, – добавила я, разглядывая через окно особенно специфического персонажа.

Борец за справедливость в рваных джинсах и серой майке, открывавшей на всеобщее обозрение татуировку в виде черепа, радовал нещадно.

– Если в течение ближайшего часа эти колоритные не растеряют своего упорства, нам снова придется здесь ночевать! – возмущенным полусшепотом посетовала Янлин.

Младший научный сотрудник проработала в лаборатории три года, то есть была, в отличие от нас с Алексом, старожилом и успела повидать всякое.

Отреагировать на это высказывание мы не успели. Перекрывая прочие крики, с улицы раздался дикий вопль какой-то экзальтированной демонстрантки:

– УБИЙЦЫ!!!

– Мило, что вы представились, – пробормотал Алекс. – Очень приятно, а мы – зоологи.

– Что шуточки шутишь? – раздраженно осадил его Янлин. – Ты, между прочим, здесь единственный мужчина. Мог бы как-то нас и защитить.

– Это как конкретно? – не особенно смутился лаборант. – Перестрелять их всех из бластера или, например, плазмомета? Я тоже боевики смотрю, ты не думай. Только ничего, что я не киллер, а биолог, а это как бы мирная профессия?

– Они там так не считают, – пробурчала я.

– Могу во второй раз вызвать полицию, – завершил свое выступление Алекс.

Мы с Янлин синхронно скривили губы. Полицию, как можно догадаться по высказыванию лаборанта, уже вызывали, и толку это не принесло. Флаер с синими мигалками прилетел, в громкоговоритель что-то покричали, и демонстранты послушно разошлись. Говоря точнее, разбрелись по близлежащим улицам. А стоило стражам порядка удалиться, борцы за права животных вернулись и принялись бороться за эти права с удвоенной ожесточенностью.

– Марина, потуши свет! – попросила Янлин. – А то темнеет, мы здесь скоро будем как на ладони.

Я согласно кивнула и перевела выключатель в положение «Off». В качестве альтернативы можно было опустить жалюзи, но хотелось иметь возможность отслеживать происходившее внизу.

– И что они к соседней лаборатории не прицепились? – проворчала коллега, какое-то время понаблюдав за демонстрантами. – Там хоть правда опыты над животными проводят, а у нас здесь что?

Я болезненно поморщилась.

– А им без разницы. Ладно, о чем тут говорить. Пойдемте лучше зверей проведем. Заодно посмотрим, можно ли тут правда устроиться на ночь. А то я лично сегодня по темному времени суток не рискну выходить на улицу.

– Да можно устроиться, – со вздохом успокоила нас Янлин. – За то время, что я тут работаю, всякое случалось, так что опыт есть. Главное, все мы люди свободные, дома никто не ждет.

– Я не свободный, у меня девушка есть, – запротестовал Алекс. Правда, возражал он не всерьез, все больше для виду. – Вот что я ей скажу?

– А ты дай нам с Мариной трубку, – вкрадчиво предложила Янлин. – Мы подтвердим, что да, ты действительно провел ночь вместе с нами.

– Спасибо! – Лаборант аж отпрянул от греха подальше. – Я лучше как-нибудь сам разберусь.

Коллега, которой только это и было нужно, первой прошествовала в соседнее помещение. Оно было очень просторным, хотя делилось на условные «подкомнаты» благодаря соответствующим образом расставленной мебели. В первой части располагались вольеры и клетки с нашими подопечными, вторая предназначалась для экспериментов и потому оставалась более-менее свободной, не считая встроенной видеоаппаратуры. Каждый приносил сюда то, что требовалось для работы с его животным и над его темой. В дальней, третьей части располагались столы с компьютерами, аппаратура, необходимая для расшифровки сделанных по соседству записей, и низенький холодильник с небольшим запасом перекусов – нет, не для нас, а для зверей. Это было нужно для сиюминутных поощрений. Основная часть продуктов и кормов хранилась на кухне. В случае, если во время эксперимента кто-то работал с данными или читал статьи, он мог избавиться от шума, отгородив кабинет прозрачной стеной. Стоит ли уточнять, что у старших научных сотрудников имелись отдельные офисы, но к нам троим, засидевшимся сегодня до вечера, это не относилось. Впрочем, я очень надеялась, что в скором времени мои условия изменятся к лучшему и я сама превращусь наконец из младшего в старшего – хотя, вероятнее всего, в какой-нибудь другой лаборатории.

Последние девять лет своей жизни я посвятила академической карьере. Янлин была права: как и коллеги, я жила одна в небольшой, но уютной квартирке, которую снимала недалеко от лаборатории. Мои родители были живы и, к счастью, здоровы, но их дом находился на западном побережье Южного континента, в то время как почти все основные научные центры располагались в районе восточного. Так что когда-то давно мне пришлось перебраться на другой конец материка ради учебы на отделениях химии и биологии (специализация – космическая зоология) в престижном Континентальном университете Нового Парижа. С тех пор навещать семью удавалось два раза в год, в основном во время каникул. За восемь лет, то есть в довольно-таки короткий срок, я закончила бакалавриат, магистратуру по сравнительной психологии и защитила докторскую диссертацию. Затем наступила пора постдока, основная цель какового – приобрести опыт работы за пределами родного университета и написать как можно больше научных статей. И то, и другое впоследствии превращалось в чрезвычайно важные строчки моего резюме. Почти год я проходила практику в городском космозоопарке, а последние три месяца трудилась здесь, в Центре изучения инопланетных животных.

– Чтоб они были здоровы, эти демонстранты! – завуалированно выругался Алекс, едва мы зашли в просторную комнату.

Звери проявляли крайнюю степень беспокойства. Одни слышали то, что творилось снаружи, другие столь острым слухом не обладали, но тонко чувствовали вибрацию либо улавливали наше психологическое состояние. Теперь кто-то ходил из угла в угол по вольеру, кто-то дрожал и нервно попискивал, кто-то ожесточенно скреб когтистыми лапами пол. Каждый выказывал тревогу по-своему.

– Так, всем по вкусуности! – распорядилась я, подходя к вольерам.

Их обитатели, почувствовавшие себя спокойнее при нашем появлении, уже успели приблизиться к решеткам и прозрачным дверям и теперь настойчиво требовали внимания. Просунув руку между прутьями (вопреки правилам техники безопасности), я погладила по мордочкам миенгоподобных обезьян, потом почесала за ушком белого и невероятно пушистого гатобланко с планеты Дуэлла и наконец взяла за протянутую лапку длинноклюва (вообще неясно, с какой планеты). Последнее – и вовсе вопреки всем распоряжениям. Зверька, во многом напоминающего утконоса, привезли в лабораторию всего несколько недель назад, и к нему полагалось пока только присматриваться. Дескать, никто не знает, на что именно он способен: все-так почти не изученный вид, к тому же умеющий производить электрические заряды. Но ситуация сложилась, мягко говоря, внештатная, и я не собиралась оставлять без поддержки животное, которое за все время проживания в Центре ни разу не проявило агрессии.

Немного успокоив зверей, начали разбираться с ночлегом. В помещении имелся один диванчик, который мы решили выделить Янлин как старожилу. Разбредаться по разным комнатам сочли нецелесообразным. В лабораторию, конечно, никто не проберется, но вместе мы все равно чувствовали себя увереннее. Кроме того, основная часть кабинетов на ночь запиралась. Зато в подсобке имелась целая куча одеял и всевозможных тряпок, предназначенных, по идее, для наших подопечных, но новых либо как следует выстиранных, а значит, вполне подходящих и для нас. Так что соорудить импровизированные лежа оказалось не так уж и сложно.

– Чур, я сплю с Котоваськой! – бодро заявила Янлин, имея в виду гатобланко, получившего такое прозвище с ее же легкой руки.

– Угу, вопреки всем правилам безопасности, – скептически напомнила я.

Сама, конечно, только что нарушала, но одно дело – палец между прутьями, и совсем другое – инопланетный зверь в постели!

– Да ладно, – флегматично отмахнулась коллега. – Я свободная, незамужняя женщина, у меня даже зверюшку завести времени нет: я вечно на работе. Могу хоть раз в жизни поспать с кем-нибудь теплым и мягким?

– Будильник хотя бы включи, чтобы нас завтра начальство не застукало ненароком, – посоветовала я.

Девушка подняла большой палец, отдавая должное благоразумности совета, и принялась возиться с многофункциональными часами.

– Что будем делать? – поинтересовалась я.

Мы уже устроились в самодельных «кроватях», но спать пока не хотелось, да и время еще было, как принято говорить, детское.

– Обычно в таких случаях страшные истории рассказывают, – выдвинул предложение Алекс. – Или фильмы ужасов смотрят.

– Это про демонстрантов, которые громят лаборатории? – фыркнула Янлин, прижимавшая к себе крупного, белого и пушистого гатобланко.

Последний был, вне всякого сомнения, доволен. Зверям наше присутствие вообще пошло на пользу. По-моему, они бы не возражали, если бы аналогичные акции проводились ежевечерне, дабы им удавалось столь же весело ночевать на регулярной основе.

– Или про страшных ученых, измывающихся над животными, – подхватил лаборант.

– О! – Янлин аж подскочила на диване, что заставило Котоваську ошалело выпучить глаза. – А это идея! Давайте Маринино интервью пересмотрим!

– Ой, не-е-ет! – запротестовала я, отчаянно мотая головой.

Увы, меня не поддержали. Наоборот, Алекс даже не поленился подняться с койки, чтобы включить галопроектор.

– Зачем?! – простонала я, не желая мириться с неизбежным. – Она же меня по стенке размазала.

– Ничего подобного! – категорично возразила Янлин. – Ты отлично ей отвечала.

– Угу, так отлично, что сейчас мы расхлебываем результаты, – проворчала я.

– Пф! Ты не виновата в том, что у некоторых людей нет мозгов.

Алекс запустил видео, и я нарочито отвернулась, твердо намеренная не смотреть. Но почти сразу вопреки всякой логике все-таки перевела взгляд на картинку.

Вид молоденькой журналистки в черной мини-юбке и пиджаке, выгодно подчеркивающим грудь, всколыхнул в моей душе не самые приятные эмоции, до поры до времени загнанные в подсознание.

– Мы беседуем с Мариной Гинсбург, научным сотрудником Центра изучения инопланетных животных.

– Постдокторантом, – уточнила на грани слышимости моя голографическая копия.

Ну, так-таки копия или нет, не знаю. Судить со стороны трудно; мне лично кажется, что в жизни я выгляжу несколько иначе. Но в общем и целом узнаваемо. Длинные черные волосы, собранные в тугий хвост, круглая форма лица, минимум косметики – ровно столько, сколько требуется, чтобы выглядеть прилично, – сосредоточенный взгляд зеленых глаз. Нет, от природы-то они карие, но с моей близорукостью приходится носить линзы. Заодно сменила и цвет – ну, захотелось мне так.

– Простите, постдокторантом, – с улыбкой исправилась журналистка. – Скажите, Марина, как давно вы работаете в этом центре?

Она вытянула в мою сторону микрофон.

– Почти три месяца.

На этом этапе я вела себя очень дисциплинированно и, не скрою, нервничала. Как-никак по телевидению меня еще ни разу не показывали... Лучше бы и дальше так продолжалось!

– И что же исследуют в вашей лаборатории?

– Когнитивные и коммуникативные способности инопланетных видов.

Глаза журналистки округлились, смотрящие видео коллеги задорно захихикали. Я сообщила, что что-то сказала не так. Та «я», которая в записи. Нынешняя я просто сидела с горящими щеками, прикрывая руками лицо.

– Мы занимаемся инопланетными животными, – перевела саму себя я. – Стараемся разобраться, насколько они умны и как общаются.

Взгляд моей собеседницы прояснился, и стало ясно, что она готова продолжить интервью в запланированном заранее русле.

– Скажите, в вашей лаборатории проводятся опыты над животными?

Вот и он, первый каверзный вопрос. Я помедлила, разгадав подвох, но в итоге вынужденно ответила:

– Да. Но это не те опыты, о которых вы сейчас думаете.

– А какие же?

Я набрала в грудь воздуха, напряженно соображая, что сказать. Попробуй за одну-две минуты охватить такую широкую тему!

– Мы общаемся с животными. Играем с ними. Даем разные задачи и смотрим, как они с этими задачами справляются. Таким образом проверяем, способны ли они, например, считать,

понимают ли разницу между треугольной и квадратной формой, какие цвета различают, какую информацию способны передавать друг другу.

– То есть вы дрессируете их, как в цирке?

Теперь в ее голосе проявляются обвинительные нотки. Зеленые уже давно выступают против цирковых номеров с участием животных. В чем-то я с ними согласна: есть звери, для которых такие представления – исключительно травма и стресс. Но есть и такие, кому работа с людьми, наоборот, в радость.

– Нет, – жестко отрезала я, уже понимая, с какой целью меня попросили «ответить на несколько вопросов». – Это не дрессировка. Мы не заставляем животных выполнять те или иные действия. Мы создаем экспериментальные условия и смотрим, как именно животные сами себя поведут.

– Ну хорошо, – нетерпеливо перебила меня журналистка: такие подробности не интересны ни лично ей, ни – что значительно важнее! – ее целевой аудитории. – Скажите, а вы держите зверей в клетках? Как в зоопарке?

– Почему именно в зоопарке? – Почувствовав агрессивное отношение с ее стороны, я тоже начала злиться. – Многих домашних животных тоже содержат в клетках.

– Вы изучаете домашних животных?

– Не только.

– И как они попадают к вам в лабораторию? Есть специальные люди, которые на них охотятся?

– Вот же стерва!

Это уже не в записи, это Алекс не выдержал и прокомментировал со своего ложа.

– Говорю же, выключайте! Зачем гадости на ночь глядя смотреть? – возмутилась я. – Мне вообще-то не доставляет удовольствия в очередной раз наблюдать, как из меня делают девочку для битья.

– Глупости, – отрезала Янлин. – Ты отлично ей отвечала. Уверена, нормальные зрители все поняли. Там чуть-чуть осталось, давайте уже дослушаем!

Пока мы спорили, моя голографическая копия уже успела ответить, что нет, охотников за головами мы не нанимаем, и вообще к нам прибывают только те звери, которые и так живут в неволе, зачастую с рождения. Соответственно, в естественной среде вполне могут и не выжить. Это, конечно, мою собеседницу ни в чем не убедило, зато она решила, что настало время вытащить туз из рукава.

– В вашем научном центре есть и вторая лаборатория, – напомнила она. – И нам достоверно известно, что там проводятся опыты в том самом, традиционном смысле, на который вы намекали в самом начале. Там исследуют вирусы?

– Говоря точнее, ищут лекарства от вирусов.

– А в процессе гибнут ни в чем не повинные животные? Место мышей и кроликов заняли жертвы с других планет?

Очень глубокий вдох, затем столь же медленный выдох. Эта барышня знает, по каким точкам бить. Но критиковать других легко, а ты попробуй сделать лучше!

– Никто не преследует цели убивать животных, – вступилась за коллег я. – Больше того, в последнее время для подобных экспериментов все чаще используют специально синтезированные организмы. Возможно, когда-нибудь этого станет достаточно. Пока наука еще не достигла необходимого уровня.

– И страдают звери? – упрямо гнула свою линию девушка.

Ну, в плане упрямства ей как раз попался хороший оппонент. Мне этого качества тоже не занимать, иначе я вряд ли продержалась бы столько времени на академическом поприще.

– Я предлагаю, прежде чем выносить вердикт, посмотреть на ситуацию с другой стороны. И вспомнить, для чего все это делается. Вы хотите закрыть такие лаборатории, как у наших

соседей? А отказаться от всех лекарств, разработанных в этих лабораториях, вы готовы? Оставить свою бабушку без средства от Альцгеймера, ребенка – без таблеток от ледяной оспы (вы как журналист, наверное, знаете, сколько детей погибло от этой болезни на трех планетах полвека назад)? Я уже молчу про такие мелочи, как исцеляющая бумага. На сегодняшний день мало кто представляет себе, как без нее вообще можно существовать. А ведь для разработки всех этих медикаментов проводились опыты, в том числе на животных. А средняя продолжительность жизни в сто двенадцать лет и три месяца? Вы знаете, сколько люди жили на Земле перед началом звездной экспансии? – Меня откровенно понесло. – По имеющимся у нас данным – около восьмидесяти пяти лет. Вы чувствуете разницу? Как по-вашему, в чем причина?

– В том, что мы более бережно относимся к окружающей среде, – убежденно ответствовала журналистка.

– Это тоже фактор, но не основной. Главное – достижения современной медицины. Которые были бы просто невозможны без таких вот лабораторий.

Я махнула рукой в направлении здания, соседствовавшего с нашим. Впрочем, в поле зрения камеры оно все равно не попадало.

– То есть человеческие жизни за счет жизней других существ?

– Не только человеческие. Лекарства для животных тоже не появляются из ниоткуда.

– А вам самой доводится работать в той, второй лаборатории?

Резкий переход наводил на мысль о том, что мои ответы либо перестали вызывать у журналистки интерес, либо просто не соответствовали той концепции, которую она стремилась продвинуть в своей передаче.

– Нет, – холодно откликнулась я. Как бы ни обернулось «интервью», а, единожды согласившись в нем участвовать, самоустраниться уже не получится. – У нас каждый занимается своим делом. Вы же, например, снимаете передачи, а не пишете сценарии для фильмов ужасов?

Мимолетная неискренняя улыбка послужила мне ответом, после чего журналистка повернулась к камере.

– Итак, по утверждению нашей респондентки, она не принимает участия в тех убийствах, которые происходят в Центре. Долго ли будет продолжаться беспредел? Когда на нашей планете станут наконец-то полноценно соблюдаться права животных? С вами была, как всегда, Анига Рэйв.

Изображение погасло: проектор автоматически перешел на режим паузы, едва закончилась запись.

– Довольны? – огрызнулась я.

– Самое главное, что после этого они заявили громить нас, а не соседнюю лабораторию! – Янлин с нервным смешком покосилась на дверь в комнату, из которой мы наблюдали за демонстрацией. – Значит, ничего не поняли от слова совсем.

– Да что можно понять по такой передаче? – Я села на корточки, чтобы расправить сложенные друг на друге одеяла, после чего забралась под одно из них. – Все, давайте спать. На сегодня ужасиков хватит.

И, давая понять, что решение – окончательное и обжалованию не подлежит, повернулась на бок, к коллегам спиной, к зверям передом. Повыше натянула покрывало. Последним, что я увидела, прежде чем окончательно закрыла глаза, были любопытная мордочка и внимательный взгляд длинноклюва.

* * *

Увы, вечерней демонстрацией дело не ограничилось. Сперва казалось, что инцидент исчерпан. Наутро о вчерашних событиях напоминала лишь охапка одеял в лаборатории да следы от импровизированных и потому не самых удобных подушек на наших лицах. Плюс

в наружном дворике валялись осколки разбитого стекла, обрывки плакатов и пара окурков. Забота об окружающей среде буквально-таки налицо.

Работали как обычно, хотя и чувствовали себя малость потрепанными после специфически проведенной ночи. Утром к нам присоединилось несколько лаборантов и практикантов. Никаких проблем при подходе к зданию у них не возникло. Заглядывал профессор Орзи, заведующий соседней лабораторией. Ему для чего-то понадобилась наша аппаратура, но заодно он не преминул намекнуть мне, что нечего всяким выскочкам, недавно получившим докторскую степень, лезть куда не просят, тем более давать интервью кому ни попадя. В целом из недовольной речи следовало, что говорить в микрофон кого ни попадя следовало именно ему, профессору. Я в спор не вступала. Во-первых, действительно считала, что накосячила, а во-вторых, не глупо ли огрызаться на академическое светило и по совместительству одного из начальников Центра, в котором работаешь? Второй начальник, руководитель непосредственно нашей лаборатории, улетел на Дуэллу, чтобы принять участие в очередной межпланетной конференции. Его возвращения ожидали в ближайшие дни.

Освободившись на сей раз пораньше, я привычно направилась к парковке, где меня ожидал бордовый флаер-двухлетка. На новые модели денег пока не хватало, но и такие меня более чем устраивали. Дорога лежала через небольшой сквер, где исследователи всегда могли отдохнуть, развеяться или обсудить работу с коллегами. Стоянка располагалась непосредственно за забором, не особенно прочным и поставленным здесь из чисто декоративных соображений. Вот тут-то все и началось. Окончательно стемнеть еще не успело, но Рейза быстро приближалась к горизонту, и большая часть сквера погрузилась в длинные, непропорционально искаженные тени. Поэтому мало кто мог бы заметить, как мне навстречу выступили из-за ограждения сразу три молодых человека из вчерашней компании. Почему именно из вчерашней? Это довольно легко было определить. Одного я узнала в лицо (так со вчерашнего дня и не бритое), другого (наоборот, очень аккуратного) – по пиджаку, и всех троих – по манере поведения.

– О! Она там работает. Я точно помню! – с не понравившимся мне воодушевлением воскликнул первый парень с физиономией уголовника.

Что-то подсказывало, что он отнюдь не собирается просить у меня автограф.

– Точно! Я ее в передаче видел! – подтвердил второй, франтоватый.

Я честно попыталась проигнорировать этот познавательный диалог и просто пройти мимо, но не тут-то было. Дорогу мне перегородили капитально. Эх, давно пора было парковку на крыше лаборатории устроить. Да только боялись, вдруг вибрация потревожит чувствительных к подобным вещам животных.

– Что, попила звериной крови – и теперь домой, отдыхать?

Вынужденно остановившись, я подняла взгляд на хищников. В общении с такими существами главное – не показать слабость, а, наоборот, вести себя так, будто ты самый большой и сильный. Удивительно, но факт: эволюция поощряет понты.

– Ночной дозор, всем выйти из сумрака? – со вздохом предположила я.

Третий парень усмехнулся, франтоватый неприятно прищурился, а уголовный элемент смотрел совершенно непонимающе: он, видимо, процитированную книжку не читал. Да, собственно, что это я? Он вообще вряд ли знал, что такое книжка. Компьютер в его представлении наверняка существовал только для просмотра порнографических голограмм. Их еще называли «голо в квадрате», поскольку на ГОЛЮкартинке изображались ГОЛЫЕ люди.

– Или вы сами вампиры и подпитку ищете? Так мы пробирки с кровью младенцев из лаборатории не выносим, – заверила я.

И только в этот момент случайно заметила красное пятно на рукаве. Поднесла поближе к глазам. Кетчуп... Времени нормально пообедать не было, так заказали еду прямо на работу, а что в таких случаях заказывают? Правильно: гамбургеры из синтезированного мяса и жареные миенжские потаты.

Потерев пятно без всякого заметного результата, виновато покосилась на зеленых.

– Короче, ребята, давайте серьезно. Что вы пытаетесь доказать? Хотите, чтобы лаборатории закрыли? Идите в политику и лоббируйте интересы животных.

Мне кажется, один из них, тот, что усмехнулся вначале, вполне готов был развернуться и уйти. Но не остальные. Они лишь шагнули вперед, при этом первый откровенно разминал кулаки, а второй схватился за ремень моей перекинутой через плечо сумки. Словно и правда собирался поискать там пробирки с заветной алой жидкостью.

– Руки! – рявкнул мужской голос у меня за спиной.

Признаться, я не сразу поняла, что этот приказ относится не ко мне, а к заигравшимся демонстрантам. Сообразила, только когда пальцы франта, разжавшись, выпустили мою сумку. Другие двое парней стояли, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

Оглянувшись, я с удивлением обнаружила рядом директора нашей лаборатории с бластером, направленным непосредственно на франта. После того как тот сделал шаг назад, дуло медленно переместилось, превратив в новую мишень обладателя уголовной внешности.

– Сейчас быстро разворачиваетесь и убегаете, – жестко отчеканил профессор. – В противном случае стреляю без предупреждения.

С замиранием сердца я ждала реакции троицы. Что случится, если они откажутся уходить? Готов ли ученый сделать настоящий выстрел? И какими будут последствия, если одного из «мирных правозащитников» найдут убитым возле лаборатории?

Но, к счастью, зачинщиков я переоценила. Помедлив всего пару секунд, они почти одновременно бросились бежать прочь.

Я облегченно выдохнула, с трудом удерживаясь от того, чтобы повиснуть на локте шестидесятилетнего профессора в нарушение всякой субординации.

– Спасибо, Ноэл. – У нас в лаборатории все обращались друг к другу просто по имени, вне зависимости от статуса. – Когда вы вернулись?

– Да фактически только что. – Директор, хмурясь, взгляделся в сгустившиеся тени, в которых утонули силуэты беглецов, и опустил оружие. – Сразу после приземления отправился сюда – проведать обезьян и кое-что проверить в оригиналах видеозаписей. Что у вас здесь происходит?

– Общественность шумит. – Я виновато пожала плечами. – Ученые-убийцы и все такое прочее. Вчера демонстрация была, пытались в лабораторию прорваться.

– Понятно. А охрана что?

– Да что они могут? – поморщилась я. – Там дежурных ночью – три человека. В здание никого не пропустили, и хорошо. Полицию, конечно, вызывали, но толку мало.

Я вкратце обрисовала действия стражей порядка и их неэффективность.

– Все ясно. Я свяжусь со службой охраны, – решил профессор. – Так не годится.

Он потихоньку зашагал в сторону парковки. Я не отставала, приняв это негласное предложение меня проводить.

– Скажите, Ноэл... Откуда у вас оружие? – не удержалась от вопроса я.

Любопытство оказалось сильнее субординации. Впрочем, начальник не рассердился. Усмехнувшись, нажал на какую-то кнопку сверху бластера. Впереди, метрах в пяти от нас, возникло изображение мишени. Теперь профессор спустил курок. Красный луч, на миг пронзив темноту, попал в центр мишени, и она тут же стала переливаться разноцветными огнями.

– Сынишке купил на Дуэлле, – объяснил ученый, убирая игрушку.

Я усмехнулась. Понты и блеф. Трудно преувеличить их роль в жизни многоклеточных организмов.

Глава 2

*Ловкость рук, и никакого... доклада.
Фильм «Карнавальная ночь»*

Назавтра работа продолжилась как обычно. Профессор, верный своему слову, переговорил с кем-то из службы безопасности, и число наших охранников увеличилось. Ограничения были строгие: не пропускать никого, кроме работников лаборатории, чьи отпечатки пальцев и без того открывали все нужные двери. За территорией сквера и парковкой также велось наблюдение.

Мы успокоились, животные тоже, и можно было возобновить стандартный ход обучения. Я сидела на специально расстеленном ковре напротив Кофы, самки миенгообразной обезьяны, обладавшей шестью конечностями, как и практически все млекопитающие ее планеты (включая собственно миенгов, их разумную расу). Занимались мы, можно сказать, математикой. В ходе первой серии экспериментов перед обезьяной выкладывались две горсти обожаемых ею орехов. Задача животного заключалась в том, чтобы определить, где орехов больше. Выбранную горсть она съедала, что делало ее лично заинтересованной в правильности принимаемых решений. Количество орехов варьировалось от одного до двенадцати.

С этой задачей и Кофа, и Манк, наш самец, справлялись хорошо, успешно проходя тест приблизительно в восьмидесяти пяти процентах случаев. Следующим этапом мы обучили их цифрам. В новой серии экспериментов предстояло проверить, сумеют ли обезьяны определить, что больше, глядя не на группы орехов, а исключительно на цифры. Например, понять, что «8» – это больше, чем «5».

С этим зданием Кофа пока справлялась плохо. Правильные ответы чередовались с ошибочными, наводя на мысль о том, что выбор каждый раз делается случайно. Вот и сейчас из семерки и тройки она указала на последнюю.

Несколько разочарованная (ведь человекообразные обезьяны решают такие задачи намного лучше), я собиралась убрать пластиковые символы, чтобы заменить их на другие, как вдруг услышала чье-то громкое попискивание. Доносилось оно из клетки длинноклюва, которую я перед началом работы переставила поближе к дивану – просто для того, чтобы зверю было не слишком скучно. С ним пока не занимались, только проводили всевозможные сканирования, разбираясь с тем, как устроен его организм. Плюс создали разные условия в разных частях его вольера, чтобы понять, где он будет наиболее комфортно себя чувствовать. И вскоре обнаружили, что он прорыл в щедро насыпанной у стенки земле тоннель идеально круглой формы. За это длинноклюв получил от Алекса прозвище Хоббит, которое вскоре подхватили и остальные.

И вот теперь зверек нервозно попискивал, а едва поняв, что благополучно привлек мое внимание, просунул между прутьями клетки когтистую лапку. Каковая, насколько я могла судить, указывала на цифру «7»!

Я подошла поближе, максимально напрягая зрение и стараясь рассмотреть происходящее под разными углами, чтобы понять: действительно Хоббит дает правильный ответ, или я просто приписываю его поведению посыл, которого там нет и не было?

– Что ты хочешь мне сказать? – поинтересовалась я, присев перед ним на корточки. – Ты знаешь, какое число больше? Ну-ка давай проверим.

Я попросила ассистентку последить пока за обезьяной, а сама, взяв обе цифры в руки, снова подошла к длинноклюву.

– Ну как, ты знаешь, что больше? – мягким голосом, успокаивающе действующим на бо́льшую часть животных, полюбопытствовала я. – Три?

Я поднесла соответствующее число поближе к клетке. Притихший Хоббит сделал нечто невероятное. Он покачал головой. Готова поклясться, что в естественные, генетически запрограммированные жесты длинноклювов такое не входит. Мало того, что я ни разу за несколько недель такого не видела, у них банально физиология не та, шея недостаточно подвижная. Движение из стороны в сторону явно давалось зверьку с трудом, и он помогал себе, покачиваясь всем телом. Или я опять что-то сочиняю?

Отложив в сторону тройку, я продемонстрировала Хоббиту цифру «7». Как он отреагирует? Может быть, так же, как на предыдущее число, и это будет означать, что его неординарные способности существуют только в моем воображении.

Но нет, на сей раз зверек вытянул лапку, будто старался коснуться семерки, и старательно закивал. Это движение тоже давалось нелегко, но усомниться в его значении было трудно. Черт, и почему я не догадалась включить видеозапись?!

– Так. – Решительно поднявшись на ноги, я снова повернулась к ассистентке. – Кофу на сегодня возвращаем в вольер. Дай им с Манком по банану в качестве поощрения. А я иду за перчатками и займусь Хоббитом.

– А его вроде бы не положено из клетки выпускать? – забеспокоилась студентка. – Профессор Орзи ругаться будет.

– Да он и так все время ругается, – бросил услышавший нас из кабинета Алекс.

Опасения ассистентки были справедливы: хотя длинноклюв жил пока в нашей лаборатории, привез его сюда именно Орзи, и формально за животное отвечала его часть Центра.

– Ничего, после тех результатов, которые мы получим, ругаться он уже не будет, – заявила я, направляясь к своему рабочему столу.

Из среднего ящика я извлекла плотные перчатки, специально изготовленные для специалистов нашего профиля. Такие практически невозможно было прокусить или порвать при помощи когтей. Мера предосторожности, которой я часто пренебрегала, работая с хорошо изученными обезьянами, но которую не была готова отринуть, имея дело с малоизвестным инопланетным зверем. Мой основной костюм тоже предоставлял неплохую защиту от лап и зубов. Не силовое поле, конечно, как у коллег из соседней лаборатории, но мы, слава богу, и не изучаем опасные для жизни вирусы.

Впрочем, предосторожности предосторожностями, но ни малейших признаков агрессивности Хоббит не проявлял. Воодушевленно покрутился по помещению, радуясь неожиданно полученной свободе, и вернулся ко мне, очевидно готовый к дальнейшему сотрудничеству.

– Ну что ж, – задумчиво проговорила я, – давай-ка начнем сначала.

Назавтра я взахлеб рассказывала бравшей выходной Янлин о результатах занятий с длинноклювом.

– Ты представляешь себе? Он абсолютно все задачи щелкал как семечки. Определить, где орехов больше, – пожалуйста! Сравнить количество по цифрам – легко! Я даже следующий этап с ним попробовала, до которого с Кофой и Манком доберусь не скоро. Я показала ему большую четверку и маленькую восьмерку. Спросила, что больше. Он на восьмерку указал!

– Может, случайно? – предположила коллега, облачаясь в защитный костюм.

Мы разговаривали в подсобном помещении, параллельно переодеваясь перед началом рабочего дня.

– Да я неоднократно проверяла! И, главное, ты понимаешь, его же целенаправленно ничему этому не обучали! Он просто наблюдал за моей работой с обезьянами. А то, как он пытался копировать человеческую жестикуляцию? Нет, я понимаю, доказать это экспериментально будет непросто, но это же уникальный случай!

– Тогда договаривайся с Орзи. Пусть официально переводит Хоббита к нам, под твою опеку. Правда, оплачивать расходы тебе тоже придется из своего гранта.

– Ничего, справлюсь, – отмахнулась я.

Да я не то что из гранта, я из собственного кармана была готова платить. Слишком интересной оказалась тема, слишком манящей – загадка неизвестного существа с далекой планеты. Что же касается денег – не думаю, что это станет проблемой. После получения первых же результатов подам на новый грант.

– Сегодня же с ним поговорю, – решила я.

Однако на протяжении насыщенного дня сбегать в офис Орзи не выдалось возможности. А вечером профессор сам зашел к нам в лабораторию, и разговор состоялся. Вот только итог его оказался совсем не таким, как я рассчитывала.

– Я бы хотела поговорить с вами по поводу длинноклюва... – начала я, едва представилась такая возможность, но он меня перебил:

– Да-да, длинноклюв! Как раз по его поводу я и пришел. Подготовьте на завтра его клетку, корм и все необходимое. Я его забираю.

– К-как забираете? – недоуменно уставилась на профессора я.

– А что тут такого? – Он недовольно поджал губы, как делал всякий раз, когда его распоряжения не выполнялись беспрекословно и вообще когда что-либо шло не совсем так, как ему бы хотелось. – Все необходимые проверки завершены, условия в лаборатории созданы, пора его переводить.

– А... можно спросить, что именно вы собираетесь с ним делать? Какого рода это будет исследование?

Я постаралась сделать вид, будто искренне интересуюсь научной стороной вопроса. В действительности же почувствовала, как сердце буквально сжимается от страха. Перевод в лабораторию Орзи вряд ли мог сулить зверьку что-то хорошее.

Хитрость сработала: взгляд профессора потеплел, и он не без удовольствия приступил к объяснениям.

– Известно ли вам, что длинноклюв обладает рецепторами, позволяющими ему воспринимать даже чрезвычайно слабые электрические поля? Кроме того, он способен генерировать электроэнергию.

– Ну и что? – Говоря откровенно, такой информации у меня пока не было, но ничего сверхъестественного я в ней не видела. – Это не самое частое явление, но и не уникальное. Встречается у рыб, электрических скатов и сомов, например.

– Это не то, – поморщился Орзи. – У длинноклювов чувствительность к электромагнитным полям во много раз выше, чем у известных нам рыб, птиц и млекопитающих. По моей гипотезе, эти животные могут в некоторых случаях обходиться без слуха и зрения, ориентируясь исключительно на электромагнитные колебания. Но самое главное, их электрические органы могут быть использованы в медицинских целях. И именно этот вопрос я собираюсь исследовать.

– В медицинских целях?

– Да. Для борьбы с определенными видами вирусов, не говоря уже о получении точных показателей состояния пациента. У нас есть только одна особь, поэтому рисковать и затягивать нельзя. Я намерен извлечь эти органы, подключить их к аппаратуре – она уже подготовлена – и далее исследовать их свойства в лабораторных условиях. Возможно, впоследствии нам удастся синтезировать их аналог для дальнейших экспериментов.

– Насколько я понимаю, животное существовать без этих органов не сможет?

– Не страшно. Главное, что меня интересует, – это физиологические особенности, связанные с электричеством.

– А... – Я, нервничая, запустила руки в свои густые волосы, – нельзя производить аналогичные эксперименты, не извлекая органы? Работая с живым зверем?

– В нашем случае это будет менее эффективно.

Он все еще не понимал, к чему я клоню, и списывал вопросы на чисто интеллектуальный интерес. Поэтому и не утратил пока благожелательный настрой.

– Послушайте, профессор, – я решила пойти ва-банк, – этот зверь уникален во многих отношениях. Знаю, такой договоренности не было, но в последние дни я исследовала его когнитивные и коммуникативные способности, и предварительные результаты просто потрясающие. Это невероятно умное существо. Он схватывает на лету значение символов, понимает смысл вопросов, несмотря на то что не проходил специального обучения, копирует человеческие жесты. Подвижность его пальцев наверняка позволит освоить язык глухонемых...

– Послушайте, Марина, – перебил меня Орзи, – существует масса умных животных и масса существ, владеющих межпланетным языком глухонемых. А вот таких электрорецепторов, как у длинноклюва, нет ни у кого.

– Но не можем же мы оценивать настолько развитое живое существо только с позиции имеющихся у него органов! – не хотела сдаваться я.

Профессор вновь поджал губы.

– Послушайте себя со стороны. Вы говорите точно как те молокососы, считающие себя борцами за чьи-то там права. Которым, к слову сказать, вам совершенно не следовало давать интервью, ну да это уже неважно. Вспомните, что вы ученый, подключите разум, поймите, что моя позиция верна и аргументированна. И приготовьте все, что нужно, на завтра. Еды будет достаточно на пару кормлений.

Ясно дав понять, что разговор закончен, он направился к двери и буквально за несколько секунд покинул помещение. Я немного постояла, собираясь с мыслями, затем отыскала Янлин и спросила, не знает ли она, где сейчас наш директор.

– Как, ты разве не в курсе? – удивилась она. – Уехал.

– Куда?

– На очередную конференцию.

Точно. И как я только могла забыть? Полностью погрузилась в занятия с Хоббитом, вот и вылетело из головы.

– И не говори, разве можно так жить? – по-своему поняла мое состояние коллега. – С планеты на планету. И главное, нынешняя конференция проходит на Освальде. Лекции про животных – там, где никакой жизни вообще не было, пока для нее не создали условия искусственным путем. Вот где логика?

Но я уже не слушала. Коротко кивнув в знак благодарности, не замечая происходящего вокруг, зашагала обратно к основному рабочему помещению. Во время полета с Ноэлем не свяжешься, после приземления – тоже только если обмениваться раз в полчаса-час видеосообщениями. К тому моменту, как я смогу нормально обрисовать ему ситуацию, будет уже слишком поздно. Да и в любом случае вряд ли бы это помогло. Он все равно поддержал бы Орзи. Возможно – даже наверняка! – понял бы мои чувства, но отметил бы, что рассуждения коллеги из соседней лаборатории справедливы, планируемые эксперименты перспективны, да и вообще животное принадлежит не нам, а именно отделению, занимающемуся вирусологией.

Что ж, делать было нечего. Смирившись с неизбежным, я сама почистила переносную клетку Хоббита, не прибегая к услугам обслуживающего персонала. Насыпала туда побольше древесных стружек, запах которых ему явно нравился. Положила морковку, его любимое лакомство. Еще несколько корнеплодов упаковала в отдельный пакет и корма туда собрала больше, чем было велено... Меня неприятно передернуло при мысли о том, что именно обозначает упоминание Орзи о «двух кормлениях». Предпосылка ясна: дольше, чем в течение суток, еда длинноклюву не понадобится.

Лаборатория уже опустела. Из людей я осталась одна, если, конечно, не считать кругло-суточно дежурившую внизу охрану. Я все тянула, хотя делать, в сущности, было уже нечего. Наконец медленно прошла в подсобку и неспешно переоделась. Повесила рабочий костюм

в шкаф, положила в выдвижной ящик перчатки. Вернулась в помещение, где размещались животные, и присела на корточки перед Хоббитом.

– Прости, – сказала я и виновато пожала плечами. – Я правда ничего не могу поделать.

Зверек не пищал, не метался из угла в угол, но его глаза, невероятно выразительные, смотрели так, словно он прекрасно понимал, что происходит. Неужели действительно понимал?.. Да нет, быть такого не может.

Я просунула пальцы между прутьев, вопреки всем непреложным правилам, погладила длинноклюва по пушистой головке. В тот момент сопутствующий риск волновал меня меньше всего. Да Хоббит и не проявлял признаков недовольства или агрессии и вовсе не пытался меня укусить.

Я уже собиралась встать (а что тут оставалось делать?), когда меня вдруг коснулась вытянутая из клетки лапа. Пальцы длинноклюва, напоминающие птичьи, но более широкие, обвились вокруг моей руки. Сильно не сжимали: это был жест просьбы, а не нападение. Я снова взглянула в его глаза, а он, поймав мой взгляд, вдруг принялся изо всех сил, часто, отчаянно качать головой. Шея по-прежнему плохо подходила для таких манипуляций, и вместе с головой туда-сюда покачивалось все туловище. Мою кисть он при этом отпустил.

Дыхание перехватило, в горле сформировался ком. Судорожно сглотнув, я вскочила на ноги и, еще раз выдохнув «Прости!», поспешила прочь из лаборатории. Добравшись до двери, я все-так услышала жалобное попискивание. Остановиться это меня не заставило, наоборот, я буквально выбежала на улицу и еще быстрее помчалась к флаеру, но в моих глазах уже стояли слезы. Если бы сейчас из-за забора выступили давешние гопники, вряд ли бы я смогла их разглядеть. Но этой ночью меня никто не преследовал. Только полный отчаяния взгляд, по-прежнему стоявший перед глазами, да тихий писк, продолжавший терзать слух.

Забравшись во флаер, я включила режим ручного управления и резко набрала высоту, оставив внизу верхушки деревьев. Затем развернулась и помчалась в сторону дома, быстро превысив разрешенную скорость. Лишь после того, как летательный аппарат основательно повело в сторону из-за встречного воздушного потока, я замедлила ход. Углядев свободную парковку на крыше восьмизатжки, аккуратно приземлилась. Чтобы лучше дышалось, отстегнула ремень и открыла окно. Так и сидела, уставившись в одну точку. Потом снова пристегнулась, поднялась в воздух и полетела в обратном направлении. Туда, куда дул ветер.

Стоянка пустовала. Лишь несколько одиноких флаеров терпеливо ждали своих хозяев, вероятнее всего, работников службы охраны, а может, и какого-нибудь припозднившегося ассистента из соседней лаборатории. Я вытащила из багажника спортивную сумку, которую брала с собой вместо чемодана в кратковременные поездки, например на конференции, которые проходили на Новой Земле и потому не подразумевали продолжительных путешествий. Вытряхнула из нее несколько завалявшихся вещей и решительно зашагала ко входу.

С охраной проблем не возникло. Меня знали в лицо, к тому же отпечаток моего большого пальца открывал почти все двери в лаборатории, не считая разве что личных офисов. Я поднялась на второй этаж и направилась напрямик в рабочее помещение, к клеткам.

Звери зашевелились, заметив мое появление. Заглянув на кухню, я раздала всем любимые лакомства, погладила по голове Кофу и Манка, на пару секунд запустила руку в густую шерсть Котоваськи. Потом открыла клетку длинноклюва, аккуратно вытащила его наружу и положила в сумку. Небольшой зверек занял не больше трети пространства. Рядом лег пакет с кормом и несколькими морковками. И, на всякий случай, пластиковая карта с документами на Хоббита. Окинув прощальным взглядом оставшихся в вольерах животных, я зашагала назад к лестнице.

Покинуть здание оказалось так же легко, как и войти в него. Хоббит не шевелился, будто осознавал необходимость конспирации. А может, и в самом деле осознавал? Добравшись до

флаера, я положила сумку на сидение, соседнее с пилотским, и взялась за рычаг. Предстояло еще многое сделать.

Лететь домой было, конечно, рискованно, но, по моим подсчетам, фора у нас оставалась приличная. Обнаружить исчезновение длинноклюва до восьми часов утра могли разве что по чистой случайности. Такое невезение представлялось столь же маловероятным, как крупный выигрыш в континентальную лотерею. Тем не менее, оказавшись в квартире, я действовала очень быстро. Предоставив зверьку немного погулять по полу и оглядеться, покидала в сумку сменное белье, запасную пару брюк и несколько рубашек. Обувь на мне и так была самая удобная. За одеждой последовали ноутбук, косметичка, все мои более или менее дорогостоящие украшения, предварительно ссыпанные в отдельный пакет, и еще пара-тройка вещей. Едва я позвала длинноклюва, он откликнулся моментально и самостоятельно вернулся на прежнее место.

На лестничной клетке было полутемно. Дверь с шумом захлопнулась за спиной, отсекая меня от прежней жизни. Однако сознание было слегка затуманено – ровно настолько, чтобы приглушать эмоции, – и потому я отреагировала на этот звук без лишних сантиментов. Оказавшись снаружи, к флаеру уже не пошла. Вместо этого двинулась дальше пешком и, преодолев два квартала, свернула к ближайшему банкомату. Сердце на миг кольнула тревога, но нет, карточки пока еще не были заблокированы. Сняв максимально возможную сумму, спрятала часть в дорожную сумку, часть в кошелек, как и обычно, хранившийся в небольшом заплочном рюкзаке, а остальное – во внутренний карман куртки. Проверила, что с Хоббитом все в порядке, мимолетно погладила его по спинке и зашагала в сторону пятнадцатизэтажного здания, на крыше которого располагалась остановка флаербуса. Билет купила в автоматической кассе за наличные и так же впоследствии расплатилась за междугородний проезд на монорельсе.

В ночное время пассажиры практически отсутствовали. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что мало кто смог бы впоследствии меня опознать. Плохо – потому что в толпе сейчас не затеряешься, и уж если кто-то заметит, то запомнит наверняка. Но выбирать рейс не приходилось.

В дороге я полноценно не спала, но и сказать, что бодрствовала, тоже нельзя. Скорее пребывала в состоянии, близком к трансу, и весь путь проехала, глядя невидящим взглядом в прямоугольное окно. Да и что, собственно, можно разглядеть в ночной темноте, вдобавок на такой скорости?

Добравшись до места, спустилась на первый этаж и снова пошла пешком. Вскоре заморосил дождь. Это было крайне неприятно. Весна выдалась теплой, как и обычно в нашем полушарии, но после захода солнца нередко поднимался холодный ветер и становилось зябко. Особенно если промокнешь. А я, как назло, забыла положить с собой зонт. Капюшона же у куртки не было.

Особенно пронырливая капля упала за шиворот. Передернувшись, я ускорила шаг, а вскоре уже бежала, будто наперегонки с усилившимся дождем, к ближайшему укрытию. Мое внимание привлекла скамейка под мостом, по которому проходил скоростной поезд. Справа и слева возвышались громадные опорные столбы, а сверху создавался своеобразный сводчатый потолок. Вот туда-то я и нырнула. Положила сумку с дремавшим внутри длинноклювом на скамейку и села рядом.

Нельзя сказать, чтобы дождь совсем уж сюда не проникал. Все зависело от того и дело менявшего направление ветра. Мне больше нигде было полноценно спрятаться от непогоды. Не было дома с надежной крышей и отоплением, включавшимся посредством одной голосовой команды. Не было лаборатории, к которой, возможно, и стекались не вполне адекватные личности, но куда никто не мог прорваться сквозь прочные стены и герцианское стекло. Только старая скамейка и мост вместо крыши.

Нет, я не раскаивалась в своем поступке. Одной из главных заповедей для меня было «Не сожалей о содеянном». Я не смогла бы оставить Хоббита умирать под лазером Орзи. Но фактов это не отменяло. Вчера у меня были дом, работа, карьера и относительная уверенность в завтрашнем дне. Сегодня ничего из этого не осталось. Зато имелись все шансы угодить в тюрьму за похищение редкого инопланетного животного, собственности Центра, наверняка стоившей немалых денег. Конечно, если меня арестуют, стоит попытаться представить мои действия как акт социальной борьбы. Возможно, хороший адвокат сумеет вывернуть дело так, чтобы наказание ограничилось денежным штрафом. Но даже в этом случае на работу по специальности меня уже никто не примет, а длинноклюва вернут в лабораторию на операционный стол.

Значит, надо постараться избежать ареста. Что скрывать, я приехала в этот город не только для того, чтобы сбить со следа полицию, но и потому, что здесь расположен космопорт. Вот только я все сильнее сомневалась, что это поможет. Скорее всего, к тому моменту, как я смогу вылететь с Новой Земли, на меня уже заявят в полицию. И, стало быть, меня попросту снимут с рейса. А даже если я успею, для них не составит труда выяснить, куда именно я улетела, ведь анонимно билет на межпланетный рейс не купить. В этом случае меня встретят сразу же по прибытии... Тупик. Возможно, затеряться где-нибудь на Новой Земле все-таки логичнее?

Признаюсь: я не сразу сообразила, что происходит. Не заметила, как стал слабее дождь. Не обратила внимания на мужскую фигуру, бесшумно выскользнувшую из темноты. И даже на руку, аккуратно протянувшуюся к ремню моей сумки. Сориентировалась только тогда, когда Хоббит, временный домик которого качнулся в воздухе, высунул голову наружу, а поняв, что мои вещи самым наглым образом собираются похитить, укусил вора за палец. Клюв у него ого-го, как у птицы приличного размера, самые твердые орехи колет на раз. Вот когда несостоявшийся грабитель завопил от боли, уронив сумку обратно на скамью, тогда-то я наконец и поняла, что на мою собственность только что посягали.

– Оно меня укусило! – возмущенно воскликнул грабитель. И вытянул к Хоббиту руку прямо-таки в обвинительном жесте.

Вы только на него посмотрите, обидели беднягу! Зверек для профилактики щелкнул клювом, и вор руку отдернул, от греха подальше.

– Не оно, а он! – поправила я, на всякий пожарный хватая сумку за ремень. Еще, чего доброго, повторит попытку.

– А кто это такой?

Первый шок спал, и теперь голос вора был полон любопытства.

Я присмотрелась к незнакомцу. На вид вполне приличный молодой парень, симпатичный такой, невысокого роста, с аккуратной короткой стрижкой и добрым, открытым лицом без особых примет. Одет он был в коричневый костюм и выглядел немного даже франтовато: модные ботинки, носки которых выглядывали из-под в меру широких брючин, рубашка расстегнута на пару верхних пуговиц, пиджак нараспашку. Впечатление портили разве что капли дождя на русых волосах да события несколько секундной давности.

– Не твое дело, – огрызнулась я.

Еще не хватало сообщать ему, что у меня за зверь.

– Да не трону я больше твою сумку, – увещевал парень. – Ну кто это? Правда интересно. Я люблю животных.

Он присел на корточки и попытался погладить Хоббита по голове. Тот такой наглости не потерпел, на этот раз щелкнув клювом буквально в паре миллиметров от пальца вора. Тот снова поспешил спрятать руку.

– Кажется, в данном случае это не взаимно, – прокомментировала я. Но все-таки ответила, хоть и не слишком информативно: – Зверь такой. Инопланетный.

– А что он ест? – продолжал расспрашивать парень, кажется, по-прежнему не потерявший надежды взять длинноклюва измором и в конечном итоге погладить.

– Человеческие пальцы, – пригрозила я и переложила сумку на другую сторону скамьи. Теперь я сидела между ней и вором.

– Да не бойся, правда! Не возьму я твои вещи.

– И правда! Откуда у меня вообще такие мысли? – сыронизировала я.

Парень вздохнул, посмотрел на меня почти умоляюще и тоже сел на скамейку.

– Ты не думай, не краду я обычно чужие сумки. Просто обстоятельства так сложились. Остался совсем без денег в этом городе, податься некуда, уехать тоже не могу: билет же на что-то купить надо.

Я слушала нарочито внимательно и даже пару раз покивала: дескать, да-да, я уже поверила. При этом старалась не выпускать из поля зрения руки собеседника. Пока он на мои вещи и правда не покушался, а вот пообщаться с Хоббитом по-прежнему пробовал. Зверек, не раставший от такого внимания, но тоже заинтересовавшийся, наполовину вылез из сумки и поставил передние лапы мне на ноги.

– Если так-таки нет денег, обратился бы в организацию по помощи бездомным, здесь таких полно, – порекомендовала я. – Там и бесплатные столовые, и ночлежки, все имеется.

Парень поморщился, из чего я заключила, что он предпочитает ужинать и спать в заведениях качеством выше.

– Если честно, у меня тут с законом кое-какие проблемы, – признался он. – Так что в общественные организации путь заказан.

– А-а-а.

Вот в это я верила легко.

– Меня Тим зовут, – представился парень, держа указательный палец над головой длинноклюва, но опустить его ниже не решаясь. Зверек с интересом наблюдал за процессом.

– Марина, – представилась я, предположив, что обращался вор все же ко мне.

Правда, стоило ли знакомиться с человеком столь сомнительного рода занятий, оставалось вопросом. Но я рискнула. Я ведь всего лишь имя сказала, а не всю биографию изложила. И, главное, за сумкой по-прежнему слежу.

– Очень приятно.

Он все-таки решился дотронуться до зверька, готовый в любую секунду отдернуть руку. Но Хоббит на сей раз воспринял знак внимания более благосклонно. Поднял голову, приоткрыл клюв и осторожно прикоснулся к предложенному пальцу языком.

– Ух ты, прикольно! – Вор чуть не подпрыгнул от восторга.

Я невольно улыбнулась такой непосредственной реакции. И на всякий случай лишний раз покосилась на сумку.

– А ты ждешь кого-то? – полюбопытствовал Тим, для разнообразия оторвав взгляд от Хоббита и устремив его на меня.

После чего с некоторой опаской покосился в окружающие нас предрассветные сумерки.

– Нет, – успокоила его я, хотя, наверное, следовало бы, наоборот, пообещать скорое прибытие близкого друга, по совместительству офицера полиции. Или спецназовца. Или профессионального боксера. В общем, не суть.

– От парня, значит, ушла? – Вор понимающе (как ему казалось) покосился на мои вещи. – Или от мужа?

– От квартиры, – мрачно бросила я.

– То есть?

– То есть идти особо некуда.

Я опустила хмурый взгляд, инстинктивно проведя рукой по шерсти длинноклюва. Он прижался ко мне головой, словно успокаивая.

– Что ж тогда не обратишься в организацию для бездомных? – подколот меня Тим. Надо сказать, вышло у него это совершенно не обидно.

Я тяжело вздохнула. Сколь бы смешно ни прозвучало, попытка ограбления отвлекла меня от проблем, а теперь невеселые мысли стали возвращаться. По-видимому, именно этим была обусловлена моя честность.

– Да говоря откровенно, я не так уж сильно от тебя отличаюсь. У меня тоже с законом сейчас... не очень. Пришлось уйти из дома.

– Ничего себе! – присвистнул он. – Но ты точно новенькая. Иначе я бы понял. А по какой части нарушение-то?

Я подняла на него скептический взгляд.

– Может, тебе еще номер моего социального страхования продиктовать?

Парень рассмеялся.

– Да ладно тебе, что я, в полицию, что ли, сейчас побегу? Мне самому там, знаешь ли, появляться резона нет. Там первым делом отпечатки пальцев возьмут, а мои пальцы на Новой Земле известны, и не самым лучшим образом. То есть работают-то они хорошо, – уточнил он, опустив взгляд на упомянутые органы, – но полицейские этого почему-то не ценят. Я ж помочь хочу. Ты просто не в курсе пока, но вообще в наших кругах взаимовыручка хорошо работает. И накормят, и приютят, и с работой, если надо, помогут. Но тут такое дело: сообщества у всех разные, в зависимости, так сказать, от специализации. Мне, например, к киллерам или наркодельцам лучше не соваться – огребу почище, чем в полиции. Потому и спрашиваю, чтобы понять, куда тебя направить.

Угу, только этого мне для полной радости и не хватало. Вступить в современный вариант гильдии воров и получить там новую работу. Становиться настолько полноценной частью преступного мира как-то не входило в мои планы.

– Ты-то почему к своим не обратился? – перевела стрелки я.

Перевела, как выяснилось, удачно, поскольку Тим отвел взгляд, пошевелил губами и наконец без особого ажиотажа ответил:

– А я сам по себе. Мне так удобнее.

– Вот я тоже сама по себе.

– Ну хорошо, – хмыкнул он. – А делать-то что собираешься?

Я опустила голову на руки. Вот ведь вопросик!

– Не знаю!

Мне вдруг пришло в голову, что за время нашего содержательного разговора мой новый знакомый как минимум дважды имел возможность подхватить сумку и сбежать с ней восвояси. Догнать его я бы вряд ли сумела. То, что он не воспользовался таким шансом, позволяло вздохнуть свободнее и немного расслабиться.

– Если честно, то мне бы надо с Новой Земли убраться, – призналась я. – Но есть проблема. Во-первых, не исключено, что мои пальцы тоже у полиции на примете. Хотя, возможно, и нет, но как тут определишь? А во-вторых, этого зверя на корабль пронести – тоже проблема. У меня... с документами на него не все в порядке.

– Ого, ты что, контрабандой животных занимаешься? – уважительно присвистнул Тим.

Такой подпольный бизнес действительно на многих планетах существовал и был, как мне доводилось слышать, весьма прибыльным.

– Никакой контрабанды, – отрезала я. – Просто проблемы с удостоверением. Хочешь, у него самого спроси, – кивнула на длинноклюва я.

Тот среагировал мгновенно: активно закивал, а потом извернулся и лизнул меня в нос. Это оказалось неожиданным даже для меня, не говоря уже о воре. Тот просто застыл на месте, воззрившись на Хоббита широко распахнутыми глазами.

– Это к-к-как? – запинаясь, выговорил наконец Тим.

Зверек поднял на него взгляд совершенно невинных глаз.

– Инопланетно, – туманно ответила я.

Парень прокашлялся, с видимым трудом переводя свои мысли в другую плоскость. Но не прошло и минуты, как его, кажется, осенила идея.

– Скажи, а деньги у тебя есть? – поинтересовался Тим. Впрочем, я успела лишь настороженно изогнуть брови, а он уже ответил сам себе: – Конечно есть. В куртке. – Его палец ошибочно указал туда, где под материей скрывался внутренний карман. – И в одной из сумок тоже. А может быть, в обеих. Даже скорее всего.

– Пытаешься доказать, что ты профессионал? – фыркнула я, хотя, вынуждена признать, была впечатлена. – А как насчет утверждения, будто ты сумку пытался украсть в первый и последний раз?

– Немного преуменьшил свои достоинства. Поскромничал, – отмахнулся он. – Слушай, я о другом. Есть способ улететь с планеты. Без документов, без отпечатков пальцев, без радужки глаза. Но дорого. – Он наморщил лоб, производя в уме какие-то подсчеты. – Раза в три дороже, чем обычный билет. Зато вообще ни о чем не спросят. Есть у тебя такие деньги?

– Ну есть вообще-то, – признала я. – А что это за корабль-то? И куда летят?

– Контрабандисты. Не пассажирский лайнер, конечно, но за хорошие деньги подбросить могут, я пару раз с ними договаривался. Вылетают сегодня вечером.

Я посмотрела на небо, впервые сообразив, что уже наступило «сегодня». Солнце взошло, и даже дождь прекратился: тучи уступили молодому свету дорогу к земле.

– Место назначения – Митос, – продолжал вор. – Но потом они вроде бы еще дальше летят, так что, если захочешь, сможешь договориться. В общем, могу устроить тебе такую лазейку. Только одно условие: ты платишь и за меня.

– Тоже тройную цену?

Тим развел руками.

– Уж какую запрашивают. Я же говорил: у меня денег нет. А улететь с Новой Земли во как надо.

Для наглядности он поднес палец к своему горлу.

Я прикусила губу, терзаемая сомнениями. Хоббит взволнованно наблюдал за мной, ожидая решения.

– Ладно, – вздохнула я. – Где припаркованы эти твои контрабандисты, и что вообще надо делать?

Глава 3

Я считаю, что человеку нужно верить только в самом крайнем случае!

Фильм «Бриллиантовая рука»

Переволновалась я, конечно, основательно. Сначала мы сняли номер в отеле – из тех, где документы у клиентов не проверяют. Публика там была соответствующая, уровень тоже, но, оказавшись в номере, я почувствовала себя более-менее спокойно. Все же провести весь день на скамейке посреди улицы не хотелось, тем более что я уже сутки практически не спала.

Потом Тим отправился договариваться с контрабандистами. С моими деньгами, разумеется, и не такой уж маленькой суммой. Вероятность того, что он просто-напросто не вернется, казалась высокой, а с течением времени опасения и вовсе переросли в уверенность. Был в такой смене настроения и свой плюс: без терзающих душу сомнений стало даже спокойнее, и мне наконец-то удалось уснуть. Сказалась, конечно, и накопившаяся усталость.

Удивительно, но вор вернулся. Причем разбудил меня не сразу, а ближе к вечеру, когда облака за окном стали приобретать розоватый оттенок. Для порядка поворчал, что длинноклюв лютует и не дает ко мне даже приблизиться. Но потом признался, что всю жизнь о таком мечтал.

– Вообще-то я думал скорее о собаке. Но это не принципиально. Главное, чтобы кто-то умный и преданный.

– Жениться не пробовал? – полюбопытствовала я, потягиваясь.

Продрать глаза оказалось делом непростым. Пospала я прилично, часа четыре, наверное, но после суток бодрствования этого все равно мало, к тому же просыпаться в предзакатный час всегда тяжело.

– Боже упаси! – отмахнулся парень, похоже, с искренним ужасом. – Я же хочу завести домашнее животное, а не сам им стать!

Такое отношение к семье и браку меня повеселило.

– Ну ладно, а собаку что не заведешь?

Я решила, что читать Тиму лекцию о преимуществах супружеской жизни было бы несвоевременно, к тому же в моем исполнении – неубедительно, учитывая, что сама я не замужем и никогда особенно туда не стремилась.

– Да оно с моим образом жизни как-то... не очень актуально, – признался вор.

Я кивнула: тут трудно было поспорить, – и перешла к более насущным вопросам.

– Что с контрабандистами?

– Договорился. Даже лучше, чем ожидал. После Митоса они летят на Освальд и готовы подбросить нас дотуда.

– Здорово.

Новости и вправду оказались отличными. Одно дело – спутник Новой Земли: это близко, и полицейская база данных наверняка одна и та же, – и совсем другое – Освальд, обитаемая планета далекой звездной системы. Там можно затеряться и построить жизнь заново. Хотя как именно – все еще непонятно. У меня музыкальный слух и голос хороший. Может, заделаться певичкой в каком-нибудь кабаке?

Я хмыкнула. Похоже, пребывание в низкосортном отеле плохо влияет на мой мыслительный процесс. Пора отсюда убираться.

– Собирайся, и идем, – поддержал мой последний вывод Тим. – Пока еще доберемся, а ждать нас не станут.

– Так космопорт вроде бы близко? – удивилась я.

– Космопорт близко, – согласился вор. – Только из него контрабанду почему-то не выпускают. Так что у наших ребят свой коридор.

– Ясно, – пропустила шпильку я. – Тогда води.

– Вперед!

Он распахнул дверь, и мы, даже не присев на дорожку, отправились навстречу новым приключениям на свою голову.

* * *

По степени чистоты и комфортабельности звездолет контрабандистов с зоологическим названием «Пичуга» оказался ничем не лучше давешнего отеля и даже, говоря откровенно, во многом ему уступал. Собственно, весь корабль состоял из ровно одного отсека, если не считать багажное отделение, которое к моменту нашего появления было герметично закрыто и в котором предположительно находился запрещенный груз. В противоположном конце помещения располагалось место пилота, а именно – кресло перед компактной панелью управления. Сбоку две двери – в подсобку и в холодильную камеру, напротив – скажем так, ванная комната. Ну, а посередине царил знатный бардак, в котором нам и предстояло провести ближайшие три дня. Несколько прикрученных к стенам стульев, пара лежанок, шкаф, холодильник и валяющиеся повсюду куски картона, веревки, инструменты и прочее барахло. Команда состояла из пяти человек, включая пилота, капитана и троицу рангом ниже.

Мы с Тимом устроились в углу, чтобы никому не мешать и не попасть случайно под руку в этой куче-мале. Сумку я все время держала рядом с собой, предварительно проинструктивровав спутника, чтобы ни словом не упоминал длинноклюва. Два раза повторять не пришлось: вор и так уже понял, что со зверюшкой не все чисто. С контрабандистами он был явно знаком, причем их первая встреча состоялась отнюдь не во время моего сегодняшнего отдыха в отеле, однако и загадочным другом кого-либо из экипажа я бы его, основываясь на своих наблюдениях, не назвала.

Взлет прошел довольно спокойно, хотя мне доводилось летать на кораблях, где перегрузки переносились куда как легче. Но внешний вид посуды заблаговременно подготовил меня морально: было очевидно, что многого от нее ожидать не приходится. В дороге не развалится, и хорошо. Зато благодаря своему неказистому облику корабль не привлекал излишнего внимания, что являлось несомненным плюсом для его обладателей.

Когда Новая Земля осталась далеко позади, контрабандисты занялись своими делами: кто-то следил за ходом полета, кто-то проверял товар, а кто-то чинил допотопный агрегат неизвестного мне назначения. Мы с Тимом встали, чтобы немного размять ноги, но по-прежнему старались держаться в стороне. К сожалению, такая политика себя не оправдала.

Спустя приблизительно час пути мужчина, возившийся с ремонтом, отложил в сторону результат своих трудов, отряхнул руки и, довольно крякнув, поднялся со стула.

– Ну что ж, а теперь можно немного расслабиться.

Еще пара человек, ухмыляясь, оставили свои дела. Работать продолжили лишь капитан и пилот. Я же, увы, не сразу сообразила, что стремление некоторых личностей «расслабиться» имеет к моей персоне самое непосредственное отношение. Впрочем, даже если бы понимание пришло быстрее, что бы это изменило?

– Ну что, девочка? – Контрабандист довольно бесцеремонно взял меня под локоть и еще менее культурным образом подтолкнул к стене. – Скрасишь нам полет в безликом космосе? Ты даже не представляешь, как здесь, на корабле, бывает скучно.

Я была вынуждена мысленно с ним согласиться: да, не представляю, но очень хотела бы поскучать. Только теперь понимаю, насколько сильно. Однако, увы, скучать мне, судя по тому, как развиваются события, не придется.

– Ну давай. – Потные руки погладили мою рубашку, и я сразу пожалела, что прежде сняла куртку. – Раздвинь ножки. У меня есть кое-что, что отлично между ними уместится.

Его ладони резко поднялись выше и сжали мою грудь. К счастью, я ношу плотный бюстгальтер, поэтому чисто физически слишком неприятных ощущений пока не испытала. Но в том, что у меня все впереди, сомневаться уже практически не приходилось.

– Эй, ребята! Перестаньте. Мы так не договаривались, – вмешался Тим.

– Да ладно тебе! – протянул еще один контрабандист, стоявший чуть подальше от меня, но, судя по голодному выражению лица, с большим нетерпением дожидавшийся своей очереди. – Ты нас знаешь, мы тебя тоже. Доставим на место в лучшем виде. А развлекаться не мешай.

– То-то и оно, что я вас знаю. И раньше у нас такого недопонимания вроде не возникало.

– Так ты и летал раньше один! – резонно заметил мужчина, все никак не желавший оставить в покое мой бюстгальтер.

Вор неопределенно кашлянул: видимо, и вправду до сих пор ни разу не путешествовал на «Пичуге» в женской компании, а потому о таком ходе событий попросту не подумал. Что ж, приятно хотя бы осознавать, что он не собирался так меня подставить, а я не была полной дурой, согласившись принять его помощь в побеге с планеты. Хотя в самом скором времени мне от этого будет уже не легче.

Меж тем чужие руки, несмотря на наличие рубашки, стали пробираться под чашечки лифчика. Это действие начало основательно меня нервировать, и я с силой оттолкнула контрабандиста. Тот не ожидал такого отпора, отшатнулся и чуть не упал прямо на тот агрегат, который недавно столь любовно чинил. Я бросилась бежать, действуя на чистых инстинктах. Истина заключалась в том, что деться в небольшом закрытом пространстве, именуемом кораблем, было совершенно некуда. Я добровольно шагнула в клетку, будто та самая пичуга, в честь которой называли звездолет, и теперь пожинала плоды собственной недалекости.

Не прошло и нескольких секунд, как один контрабандист, подбежав со спины, обхватил меня обеими руками, а другой, все тот же любитель бюстгальтеров, стал подбираться спереди.

– Джо! – воззвал к капитану Тим. – Ну ты же рациональный человек! Приструни своих парней.

Главарь оторвал от своего ноута безучастный взор.

– Да ладно тебе, – поморщился он. – Пускай ребята пар выпускают. Им это полезно. Тем меньше потом в делах накосячат.

Я изогнулась дугой, пытаюсь вырваться из захвата. Цели своей не достигла, зато в ходе борьбы умудрилась как следует пнуть подступившего совсем близко контрабандиста. Чрезвычайно удачно попала по тому самому месту, при помощи которого он так жаждал со мной познакомиться. Мужчина согнулся пополам, хватая ртом воздух, что пока не позволяло определить, остался ли его голос прежним либо превратился в красивый фальцет. Лично я очень рассчитывала на последнее. На одного насильника меньше – это уже достижение.

– Джо, зачем тебе лишние неприятности?! – крикнул, перекрывая шум, Тим. – При таком бизнесе, как у тебя или у меня, общение с полицией ни к чему.

– Ну, тебя мы знаем, ты не настучишь. – Стальные нотки в голосе капитана ясно давали понять, что будет в случае, если вор даст повод в себе усомниться. – А девчонка тоже с нами бы не полетела, кабы у нее все было чисто с документами. Так что проблем не будет. Ссадим ее на Освальде и свалим, нам туда все равно долго еще не возвращаться. А если будет создавать проблемы, – добавил он, повысив голос, – то ссадим ее прямо над морем.

Предостережение я услышала и в его серьезности не сомневалась. Но море было далеко, а неблагонадежные мужчины – близко, и по меньшей мере у четверых из них дела с потенцией по-прежнему обстояли нормально. Поэтому я продолжала бороться, как могла. Со всей силы наступила на ногу парню, который держал меня сзади. Тот непроизвольно разжал руки, я

выскользнула, но тут меня ударили по лицу. Правая скула взорвалась болью, от которой перехватило дыхание, взгляд затуманился, и сознание пронзила жуткая мысль, что мне выбили глаз. К счастью, через секунду зрение полностью восстановилось, и я поняла, что ошиблась. Зато одному из контрабандистов удалось выбить почву у меня из-под ног, и я упала. А поскольку сориентировалась лишь в самый последний момент, не успела выставить вперед руки и как следует приложилась об пол лицом. Но даже сосредоточиться на боли возможности не было: кто-то уже уселся на меня сверху и начал стягивать джинсы... Пока он еще не понял, что, если не расстегнуть молнию, это дохлый номер, но выводы скоро сделает. Для этого, увы, высшее образование не требуется. А сопротивляться из своего нынешнего положения я практически не могла, хотя и пыталась...

Мужская рука уже подлезла под мой живот, спустилась ниже и нащупала застёжку, когда шум в ушах (наличие которого я до сих пор даже не осознавала) перекрыл громкий рык капитана:

– Тишина!!!

Сидевший сверху мужчина застыл и даже вытащил из-под меня руку. Остальные также подчинились приказу.

– У нас неприятности! – рявкнул Джо таким тоном, словно в неприятностях были виновны все присутствующие одновременно.

И, видимо, переключил переговорное устройство на громкую связь, поскольку я почти сразу услышала незнакомый и слегка искаженный обычными в таких случаях помехами голос:

– Катер «Пичуга» класса Д-8 С-3! С вами говорит капитан патрульного корабля ВБС «Галалэнд» Рейер Макнэлл. Нам необходимо провести проверку вашего звездолета. Лягте в дрейф и приготовьтесь к шлюзованию. В случае сопротивления мы будем вынуждены открыть огонь.

– Все-таки заложили, сволочи! – завопил кто-то.

С невероятным трудом изогнув голову, я увидела, как контрабандист бросился с кулаками на Тима, но его остановил окрик капитана, в срочном порядке отключившего громкую связь:

– Не будь идиотом! Они не стали бы закладывать нас, пока сами на борту. Этим крысам настучал кто-то другой. А может, просто плановая проверка.

– Попробуем уйти? – неуверенно предположил пилот.

– Да поздно, – в раздражении бросил Джо. – Они, гады, маневренные, все равно догонят. А мы как будто подпишемся: да, с законом нечисто. Наоборот: пустим их на борт, а дальше все по схеме. Документы у нас хорошие, авось не просекут. – И, обращаясь уже к невидимому капитану ВБС, расплылся в улыбке: – Конечно, господа. Ждем вас на борту. «Пичуга» – самая гостеприимная посуда в этой части космоса.

Он отключил громкую связь и вытер пот со лба.

– Готовьтесь, чтобы комар носа не подточил!

– А с этой что делать? – протянул голос, обладателя которого я не видела, поскольку он по-прежнему сидел на мне верхом.

– Запакуй, и в шкаф.

– Рот заклеить?

– Чего глупые вопросы задаешь? Естественно!

– Так переборка вроде основательная, звукоизоляция...

– Мне плевать. Береженого бог бережет.

Меня бесцеремонно вздернули, заставив принять более-менее вертикальное положение, и потащили к закрытой овальной двери.

– Кстати об осторожности. Этого тоже заприте, – указал на Тима капитан.

– Да ладно тебе, Джо! – воскликнул вор, разом превратившийся в олицетворение наивности и дружелюбия. – Ты же меня знаешь! Я что, по-твоему, стал бы сотрудничать с крысами?

– Знаю, не знаю, – проворчал в ответ контрабандист. – Вот потом вместе и посмеемся.

Тиму завели руки за спину и соединили их при помощи тонкой, но прочной пластиковой стяжки. Рот заклеили широкой полосой скотча. Со мной поступили так же. Дверь распахнули. Это был не совсем шкаф, скорее комнатка, но крошечная, особенно с учетом настоящих шкафов, полок и нагромождения стоявших прямо на полу ящиков, занимавших почти все имеющееся пространство.

– А этого куда? – услышала я, пока меня заталкивали внутрь.

Выходит, запереть нас с Тимом вместе никто не собирался.

– Давай в холодильник, – последовал ответ. – Да, и сумку не забудьте, чтобы здесь не светилась.

– А он, это, в холодильнике не окочурится?

– Не успеет. Не ночевать же они здесь...

Дверь захлопнулась, и до меня перестали доноситься голоса из основного помещения. Со звукоизоляцией здесь действительно все было в порядке.

Какое-то время я отчаянно пыталась освободить руки или на худой конец избавиться от скотча. Перепробовала массу способов, но, видимо, малоэффективных: во всяком случае, результат был нулевой.

Не столько слух, сколько ощущение вибрации сообщило мне, что стыковка состоялась. Вероятно, именно сейчас члены экипажа патрульного звездолета поднимались на борт. Но у меня не было возможности известить их о своем присутствии на корабле. Оставалось надеяться, что они по собственной инициативе решат обыскать все помещения, но какова вероятность такого поворота, я не знала. У Джо и его команды явно имелся план, разработанный как раз на подобные случаи.

Я утомленно прислонилась к стене. Она была приятно прохладной, вот только выпуклая труба коллектора создавала неудобство. Я собралась передвинуться, чтобы устроиться с чуть большим комфортом, как вдруг осознала, что моего слуха достигают негромкие, будто раздающиеся издалека голоса. Сообразив, что звук проходит через трубу, которая, в свою очередь, выводится в основную часть звездолета, я прижала к ней ухо. Теперь слышать разговоры из соседнего помещения удавалось вполне сносно.

– ...Старший помощник капитана Стивен Тонклорн, – представился обладатель незнакомого голоса.

– Очень приятно, господин старший помощник.

– Вы – капитан этого корабля?

– Совершенно верно.

Через трубу хриплый баритон Джо звучал несколько искаженно, но в целом был узнаваем.

– Нам необходимо осмотреть звездолет. Пожалуйста, подготовьте документацию.

– Разумеется, сэр, разумеется. Позвольте полюбопытствовать, в чем причина интереса ВБС к нашей посудине?

– Стандартная проверка.

– Понимаю. – Контрабандист был сама любезность. На месте офицера я бы наверняка заподозрила неладное. Вполне вероятно, что именно так он и отреагировал, но на этот счет мне оставалось только гадать. – Вот документы, прошу вас. Мой корабль в вашем распоряжении. Вот только по поводу багажного отсека...

Джо многозначительно замолчал.

– Что не так с багажным отсеком? – задал напрашивавшийся вопрос офицер.

– Все в полном порядке и соответствует записям, вот только открывать его во время полета не рекомендуется... Соображения техники безопасности, сэр, ничего больше.

– В самом деле? Стало быть, ваш корабль не соответствует установленным стандартам? А старпом молодец, зубастый. Не дал контрабандисту отвертеться от досмотра.

– Ну что вы, сэр. Все по правилам. Прошу вас.

– Благодарю. Картер, приступите к проверке! Я досмотрю документацию и к вам присоединюсь. Остальным оставаться на своих местах.

Никто не обещал, что нас с Тимом обнаружат. Не исключено, что обыск был чисто номинальный, и в любом случае касался он главным образом перевозимого груза. Я попыталась привлечь к себе внимание, создать шум. Топала, пинала дверь, в буквальном смысле билась головой о трубу (правда, тут меня существенно ограничивал инстинкт самосохранения). Ноль внимания с той стороны.

Отчаявшись, я снова прижалась ухом к коллектору. Пока ничего особенного слышно не было: так, неопределенный фоновый шум. Знать бы еще, как там Тим. Каково ему в холодильной камере? А Хоббит? Как он перенесет тамошнюю температуру? Впрочем, я быстро сообразила, что зверьку-то как раз придется легче: у него, как-никак, имелся шерстяной покров, наверняка помогавший переносить холодное время года в естественной среде, на родной планете.

– Что везете?

Через трубу снова донесся голос старшего помощника, и я вся обратилась в слух.

– Кока-колу, – без промедления отвечивал Джо. – Хороший товар, на Митосе его отлично берут оптовики.

– Картер?

– Так точно, сэр! – Этот, новый голос звучал слабее – видимо, доносился из другой части отсека. – Банки с кока-колой отсюда и до дальней стены, я проверил.

– Ну что ж. Стало быть, все в порядке?

После этих слов офицера у меня внутри словно потушили огонь, разом вылив на него ведро воды. Очень резко пришло понимание, что никто не поможет, появление ВБС – всего лишь отсрочка, и, как бы близко военные сейчас ни находились, они вот-вот возвратятся на свой корабль, а наше положение станет таким же, как прежде. И даже хуже, потому что после ощутимого шанса на спасение смириться с неизбежным будет еще труднее.

Силы быстро покидали меня вместе с ускользящей надеждой, и я собиралась опуститься на пол, когда громогласное восклицание «Помогите!!!» заставило снова прильнуть к трубе. Этого не могло быть. Это что же... Это Тим?!

– Помогите! – повторил вор уже тише: похоже, его слышали, и необходимости кричать больше не было. – Там девушка, – продолжил он после непродолжительной паузы. Говорить прерывисто, будто задыхался или в горле у него пересохло. – В шкафу. Мы пассажиры, с ними летели. Ее изнасиловать пытались. Когда вы появились, нас заперли.

В отсеке повисло тяжелое молчание.

– М-м-м... Этот человек глупости говорит! – запротестовал Джо.

– Картер! Проверьте. – Голос старпома стал ледяным. – Может быть, этот человек и говорит глупости, – добавил он, – это мы с легкостью выясним. Но мне в любом случае интересно было бы узнать, что он все это время делал в холодильной камере. Я ведь не ошибаюсь, и это именно холодильник?

Между тем я почувствовала, как дрогнула дверь. Дрогнула, но не открылась. Затем еще раз. На всякий случай я отодвинулась от нее подальше и прижалась спиной к пирамиде коробок. Раздался громкий звук, и искусственный свет из соседнего помещения проник внутрь через образовавшуюся щель. Один грубый толчок – и дверь распахнулась, а в подсобку вошел

молодой мужчина в светло-серой военной форме, состоявшей из комбинезона, крепких темно-серых ботинок на электрошнуровке, широкого пояса и бронежилета.

– Тш-ш-ш. Все в порядке, – обратился ко мне он, делая успокаивающий жест. И, обернувшись к выходу, крикнул: – Она здесь, сэр!

– Значит, «все по правилам»? – Сейчас, когда мне не приходилось прислушиваться через трубу, голос старпома звучал несколько иначе, но тон оставался по-прежнему ледяным.

– Прошу вас, – привлек мое внимание Картер. – Сейчас я вам помогу. Давайте выйдем отсюда, здесь слишком тесно.

Я все еще не имела возможности говорить, но возражать в любом случае не намеревалась и, пошатываясь от пережитого напряжения, вышла на свет. Здесь военный (совсем юный, вряд ли ему было больше двадцати пяти) снял с пояса внушительных размеров нож и перерезал пластик, сковывавший мои запястья. Стоило мне вернуть руки в более естественное положение, как затекшие плечи нещадно заныли.

– Будет чуть-чуть больно, – предупредил Картер и взялся за скотч, которым был заклеен мой рот.

Солгал. Разве это называется «чуть-чуть»? По ощущениям казалось, что клейкую ленту содрали вместе с моими щеками и губами.

– А-а-а! – вскрикнула я, ознаменовав тем самым вернувшуюся возможность издавать звуки посредством своего речевого аппарата.

– Простите! – Парень говорил с искренним сожалением.

– Н-ничего, – поспешила ответить я, подозрительно разглядывая серебристую полоску скотча, которую он все еще держал в руке. Не обнаружу ли там некоторые части своего лица?

Параллельно пощупала свои губы, затем притронулась к коже на щеках. Сколь ни удивительно, кажется, все на месте.

– Не беспокойтесь. Мы с патрульного корабля ВБС. Вам больше ничто не угрожает.

Я постепенно пришла в себя достаточно, чтобы толком оглядеться. Народу в отсеке ощутимо прибавилось. Помимо пятерых членов экипажа здесь было шестеро вооруженных мужчин в такой же форме, как у Картера, а также Тим, бледный как смерть, но почему-то со свободными руками и незаклеенным ртом. Как ему удалось освободиться?

– Всем на пол! – рявкнул старший помощник. К счастью, я вовремя сообразила, что обращается он исключительно к контрабандистам, и не легла вместе с ними, хотя позыв такой был. – Лицом вниз, руки за спину!

Члены экипажа послушались не мешкая. Четыре направленных непосредственно в их сторону бластера оказались убедительным аргументом.

– Может быть, вам лучше присесть? Хотите пить?

Признаться, я совершенно не ожидала такой обходительности от военного. Не то чтобы у меня были какие-либо претензии к ВБС (уж тем более – в нынешней моей ситуации). Просто обычно людей такой профессии представляешь себе бегающими с ружьем наперевес, а не окружающими пострадавшего заботой. Еще одно предубеждение, о котором в перспективе не мешало бы задуматься.

– Спасибо, я бы не отказалась от воды, – прошептала я, непроизвольно опасаясь привлечь к себе внимание старпома.

А вот принимать первое предложение я не собиралась. Несмотря на усталость и ощущение общей слабости, ни малейшего желания садиться не было. Такое действие словно подразумевало, что я собираюсь подольше задержаться на «Пичуге». На самом же деле мало чего мне хотелось так сильно, как поскорее покинуть этот корабль.

Картер тут же снял с пояса флягу и протянул мне. В душе всколыхнулись сомнения: все-таки не слишком это гигиенично, и мало ли чем теоретически мог болеть ее обладатель.

Но нежелание обидеть человека, который фактически меня спас и до сих пор всеми силами стремился помочь, быстро победило, и я сделала несколько глотков.

– Связать! – прозвучал между тем приказ старпома, обращенный к другим военным. – Если будут сопротивляться, разрешаю отстрелить любой не жизненно важный орган.

– Он всегда такой суровый? – спросила Картера я, снова автоматически понизив голос до шепота.

– Тонклорн? – так же тихо откликнулся тот. – Да нет, что вы. То есть он строгий офицер, конечно, но тут особенный случай. Он родом с планеты Лоста.

– И что это значит?

Я в недоумении нахмурила брови.

– У них очень острое чувство чести и долга, – просветил меня тихонько приблизившийся вор. – Я бы сказал, гипертрофированное. А насильники для них – люди самого низшего сорта, хуже убийц.

– Тим!!!

Я бы с радостью повисла у него на шее, но в силу разницы в росте скорее просто прижала к себе. И тут же выпустила из объятий.

– Ты же ледяной!

– Ну да, в той комнатке было немного не по-курортному, – с усмешкой подтвердил вор, кивая в сторону холодильника.

– Тебе надо как-то согреться! – воскликнула я. – Подожди, тут же моя куртка где-то валялась.

Я принялась озираясь, но искомой верхней одежды нигде не было видно.

– Бесполезно, они ее заныкали куда-то, чтобы вэбээсники не нашли, – объяснил Тим. Многозначительно поглядел на флягу у меня в руке, но вместо того, чтобы попросить с ним поделиться, обратился к офицеру: – Господин Тонклорн!

Тот повернулся, мигом сменив выражение лица с агрессивно-пугающего на... просто строгое.

– Слушаю вас.

– Не мог бы я попросить, в виде исключения, чтобы мне разрешили взять одну банку кока-колы из багажного отделения?

Я недоуменно уставилась на вора. Не обратив на сей факт никакого внимания, он поежился и потер ладонями плечи в стремлении согреться. Зачем, спрашивается, ему так припичило пить именно кока-колу? Одно дело, если бы речь шла о горячем чае, но тут... Кофеина, что ли, организму не хватает?

Однако старший помощник моего удивления не разделял. Понимающе ухмыльнувшись, он приподнял брови и уточнил:

– Вы имеете в виду дуэлийский алкогольный напиток, газированный и карамельного цвета, который контрабандисты перевозят в сосудах из-под кока-колы из-за внешнего сходства?

– То есть вы знали? – протянул Тим, по-моему, разочарованно.

– Конечно, – передернул плечами Тонклорн. – Это мой служебный долг. А система известная. Сначала алкоголь нелегально доставляют на Новую Землю, потом развозят по спутникам.

– То есть улетать просто так вы не собирались? – решила уточнить я. – Даже если бы не мы?

– Разумеется нет. Просто у нас свой принцип работы.

– Ну вот, выходит, мой героический рывок был совсем не героическим, – с фальшивой печалью вздохнул Тим, продолжавший обнимать самого себя в попытке согреться.

– Вы ошибаетесь, – возразил Картер. – Ваши действия достойны уважения. Не каждый военный справился бы на вашем месте.

– Это уж точно, – на грани слышимости пробормотал вор, после чего более отчетливо напомнил о себе: – Господин Тонклорн, так как насчет одной баночки?

– Простите, сэр, но разрешить вам пить контрабандный товар я никак не могу, – разочаровал его старпом. – Мало того, что это вещественное доказательство, у нас, кроме всего прочего, еще и нет гарантий, что напиток безвреден для здоровья. Но у меня есть другое решение, – добавил он, тем самым возвращая поникшего Тима к жизни. – Морти?

Один из взбээсников, державших наготове бластер, сделал шаг вперед.

– Передай-ка мне свою флягу.

Военный явно заколебался, но был вынужден подчиниться прямому приказу начальства. Тонклорн отвинтил крышку и принялся.

– Так я и думал. Виски. Опять нарушили запрет на пронесение алкоголя на территорию военного корабля? Да еще и позволили себе взять эту гадость на операцию? Или снова станете доказывать мне, что простая вода превратилась в алкоголь под влиянием космического излучения?

Картер и пара его сослуживцев заухмылялись, а Морти виновато опустил глаза.

– Я пронес алкоголь на операцию случайно, сэр! В спешке перепутал фляги.

– Ага, и вместо водки прихватил виски, – хихикнул кто-то.

– Отставить разговоры! – приказал Тонклорн, впрочем, кажется, не слишком сердитый на шутника. И тут же, без малейшей паузы, рявкнул: – Лоран! У вас преступник к оружию тянется. Внимательнее!

Парень, переходивший от одного контрабандиста к другому и сковывавший им руки за спиной, с первого же оклика сообразил, в чем дело, и ударил Джо по запястью, после чего подобрал неучтенный нож.

Старший помощник как ни в чем не бывало обратился к Тиму.

– Забирайте эту флягу, выпейте, сколько сочтете нужным, а если что-то останется – вылейте в раковину. А вам, Морти, выговор с занесением в личное дело. Если подобное повторится, вылетите в открытый космос без скафандра. Вы меня поняли?

– Так точно...

Неудачно пойманный на горячем взбээсник втянул голову в плечи.

– Все готово, сэр! – доложил Лоран, закончивший колдовать над экипажем «Пичуги».

– Хорошо.

Тонклорн сверлил лежащих контрабандистов не сулящим ничего хорошего взглядом, словно прикидывал, как бы правильнее с ними обойтись.

– Была бы здесь Гайка, она бы точно придумала, что с ними сделать, – прокомментировал Лоран, от внимания которого также не укрылось хищное выражение лица старшего помощника.

Последний, однако же, единомышленнику не обрадовался.

– Отставить! – резко оборвал он. – Рядовой Лоран, наш бортмеханик – не Гайка, а Адаманта Калвенстоун.

– Угу. Вот за то, что вы так ее называете, она вас и ненавидит, – прошептал себе под нос парень, когда Тонклорн повернулся к нему спиной.

Разговор о совершенно незнакомом человеке не мог сильно меня заинтересовать, так что я сконцентрировала внимание на Тиме. К этому моменту вор успел сделать несколько глотков из фляги, что явно подействовало на него положительно. Он больше не дрожал, а на щеках заиграл бросающийся в глаза румянец.

– Как тебе удалось освободиться? – тихо спросила я, отодвигаясь к стене, подальше от наводнивших отсек людей.

Тим мой маневр понял и тоже передислоцировался.

– Я был не один, – напомнил он.

Сперва я удивленно нахмурила брови, затем отыскала округлившимися глазами свою сумку. Почти до конца закрытую на молнию и, если можно так выразиться, не подающую признаков жизни. Тим многозначительно кивнул.

– Его же ко мне подкинули. У тебя шедевральный зверек, его на дело с собой можно брать без проблем. И никаких напарников не нужно. Да ладно, ладно, – перешел к сути рассказа он, видя, как я поморщилась. – Короче, он сам выбрался из сумки, сам поднялся по моей ноге и перегрыз пластиковые наручники. То есть не перегрыз, а как это у птиц называется? В общем, клюнул раза три – и готово. Причем аккуратно так, меня даже не задел. А когда понял, что все в порядке и дальше я сам справляюсь, преспокойненько спрятался обратно, даже молнию изнутри умудрился запереть. Не зверь, а ангел-хранитель какой-то!

Я сильно сомневалась в том, что ангелы-хранители прячутся в сумках и задвигают за собой молнии, но в общем и целом с Тимом была согласна. Однако мне не давала покоя еще одна деталь.

– А дверь? Как ты вышел наружу? Или комната не запирается?

– Почему? Запирается. Не для того, конечно, чтобы людей там держать, скорее чтобы дверь случайно не открылась и товар не испортился. Но, честное слово! – Вор посмотрел на меня укоризненно. – Чтобы я – и не смог открыть какой-то несчастный холодильник?

У меня было двойственное отношение к виртуозным способностям новообретенного приятеля, но в данной конкретной ситуации упрекать его в чем-либо было грешно.

Оглядевшись, я обнаружила, что старший помощник отошел к креслу пилота и теперь негромко переговаривался с кем-то по рации (или как в космофлоте правильно называется это устройство?). Пару минут спустя он отключил связь.

– Ведите арестованных на корабль, сразу в камеру, – распорядился он. – Лоран, оставайтесь здесь. Я пришлю к вам второго пилота. Ваша задача – отбуксировать корабль на Митос, мы направимся туда же.

Контрабандистов, уже поднявшихся на ноги не без помощи вэбээсников, стали выводить в шлюз. Тонклорн направился к нам с Тимом.

– Господа! Прошу вас пройти вместе с нами на военный звездолет «Галалэнд». Мы доставим вас на ближайшее цивилизованное небесное тело в кратчайшие сроки.

– Какое именно небесное тело это будет? – уточнил вор, хотя ответ и без того уже был вполне очевиден.

– Митос. – Старпом предсказуемо назвал одну из двух обитаемых лун Новой Земли. Всего спутников у этой планеты было пять. – Мы крайне сожалеем обо всем, что произошло. На корабле вам будет оказана первичная медицинская и психологическая помощь. Вы также получите еду, питье и сменную одежду.

Митос... Конечно, это был не самый лучший вариант. Спутник – это, по сути, всего лишь провинция Новой Земли: те же законы, та же валюта, общие базы данных... Но выбора не оставалось, к тому же в нашем нынешнем положении привередничать не годилось. Выйти из переделки с контрабандистами без потерь, да еще и оказаться хоть на небольшом расстоянии от планеты исхода, – уже достижение. А там, того и гляди, получится подобрать более подходящий корабль, который благополучно доставит нас в другую звездную систему.

– Большое спасибо. Мы будем очень вам благодарны.

Я собиралась поднять сумку, но это уже сделал Тим. Досматривать нас, к моему великому облегчению, никто не стал, и мы, беспрепятственно миновав шлюз, взошли на борт патрульного звездолета ВБС «Галалэнд».

Глава 4

*Все это время он искусно маскировался под порядочного человека.
Фильм «Бриллиантовая рука»*

На выходе из шлюза нас встретил светловолосый мужчина, в котором даже человеку, далекому от воинской иерархии, несложно было опознать офицера.

– Капитан Рейер Макнэлл, – представился он. – Я в курсе постигших вас неприятностей и приношу свои искренние соболезнования. Добро пожаловать на борт «Галалэнда». Полагаю, господин Тонклорн уже проинформировал вас, – продолжал он, выждав из вежливости несколько секунд, в течение которых мы из той же вежливости бормотали слова признательности, – что мы кратчайшим курсом доставим вас на Митос. До тех пор вам будут предоставлены отдельные каюты, пища, вода и любая необходимая помощь. – Старший помощник, задержавшийся рядом с нами, с серьезным видом кивнул. – Я бы очень не хотел утомлять вас бюрократическими процедурами, но существует протокол, которому мы обязаны следовать, – извиняющимся тоном добавил Макнэлл. – Вы могли бы назвать ваши имена?

За его спиной успело столпиться несколько человек, все в серых комбинезонах ВБС. Я полагала, их привело сюда исключительно любопытство, но сейчас, когда один из них приготовился вносить записи в электроблокнот, поняла, что поспешила с выводом.

Гулкие шаги, доносившиеся из уводившего влево коридора, известили о появлении очередного офицера чуть раньше, чем он попал в поле нашего зрения. Этот член экипажа оказался не человеком, а дуэллиейцем, о чем свидетельствовали высокий рост и узкостность – сочетание, невольно наводящее на мысль, что незнакомец может в любую секунду сломаться, как молодой побег под порывом ветра. Это, конечно, не более чем иллюзия: природа обо всем сумела позаботиться. Концентрации кальция в их организме, равно как и скорости обновления костной ткани, мог бы позавидовать любой новоземец.

Дуэллиец остановился в нескольких шагах от нас и вопросительно взглянул на капитана.

– Можете идти, Аркадайос, – дал добро тот. – Когда будете готовы, дайте знать радисту, чтобы мы могли приступить к отстыковке.

Старший помощник, взяв в оборот, как я теперь поняла, второго пилота, продолжил инструктаж, что ненадолго задержало обоих у входа в шлюз. Все это дало мне время принять решение. Называть вымышленное имя не стоило. Если попросят предъявить документы, обман вскроется, и это будет очень плохо. Да и отпечаток пальцев моментально расставит все по своим местам. А так оставался шанс, что на момент вылета «Галалэнда» из космопорта информация о моей неблагонадежности не успела попасть в их базу данных. Теперь же, в открытом космосе и вдали от трансляционных станций, прямой связи с Новой Землей у корабля не было, и свежие сведения через плантернет не поступали.

– Марина Гинсбург, – представилась я.

Правда, говорила себе под нос, практически проглотив вторую половину фамилии. Так что получилось не то Гинсбург, не то Гисборн, не то просто Гинз. От нервного напряжения кружилась голова, и искусственно изображать слабость не требовалось.

– Тимоти Далтон, – напротив, громко и уверенно сообщил мой спутник.

На миг я невольно нахмурила брови: имя определенно прозвучало знакомо, и отнюдь не по криминальной хронике. В любом случае вор, вероятно, знал, что делает. Не удивлюсь, если у него и документы на этого Далтона имеются.

Макнэлл кивнул, принимая наши ответы. Мимолетно взглянул на помощника, дабы удостовериться, что тот сделал запись.

– Я должен задать вам несколько вопросов касательно сегодняшнего инцидента, – в голосе вновь появились виноватые нотки, но и сомнения в правильности собственных действий капитана явно не терзали. – Предлагаю такой вариант. Вас, госпожа Марина, проводят к нашему доктору, затем вы сможете отправиться в свою каюту и отдохнуть. А я побеседую с вашим спутником. Одного свидетеля будет вполне достаточно. Вы не возражаете?

– Ни в коем случае! – быстро ответил Тим, буквально-таки ухватившись за это предложение. – Отличная идея!

То ли он боялся, что я наломаю дров, и поэтому предпочитал самостоятельно предоставить капитану версию недавних событий, то ли у меня был такой вид, что парень действительно жаждал отправить меня на отдых. А может, и то, и другое. Сама я к врачу особенно не рвалась, да и проследить за ходом беседы тоже хотелось, но сил на спор не осталось. К тому же мужчины, похоже, всё решили между собой и не слишком-то интересовались в данный момент моим мнением. Радовало одно: сумку, которую Тим давно поставил на пол, я подхватила первой. Не знаю, когда мне удастся наконец посмотреть, как обстоят дела у Хоббита, но, надеюсь, достаточно скоро. Вряд ли визит к врачу займет много времени.

Первым ушел Тим. Капитан шагнул чуть впереди, показывая дорогу. Краем глаза я успела заметить, как вор потихоньку передал поравнявшемуся с ним Морти флягу, без сомнения, все еще не пустую. Затем молодой парень среднего роста, представившийся как радист Белл, с вежливой улыбкой предложил мне следовать за ним.

Мой проводник вызвал лифт, и мы поднялись на второй этаж из трех. Насколько я поняла из непродолжительных объяснений, которыми парень развлекал меня по дороге, здесь располагались капитанский мостик, несколько рабочих отсеков, включая медицинский, и каюты экипажа. Первый этаж, откуда мы приехали, отводился большей частью под технические помещения; кроме того, именно там находилась камера, где в данный момент прохлаждались наши приятели-контрабандисты. Более подробную информацию предоставлять первым встречным наверняка было не положено, да и время не позволяло: выйдя из кабины, мы быстро добрались до нужной двери.

Вэбээсник нажал на кнопку вызова, не дождался ответа и коснулся открывающего отсек сенсора. Внутри никого не оказалось. Вновь закрыв помещение, парень указал мне на единственный стул (точнее сказать, откидное сиденье, позволявшее опираться о стену, как о спинку) и предложил немного подождать. Сам тоже расположился поблизости, хотя периодически напряженно поглядывал на часы. Видимо, куда-то спешил, но не имел права оставлять меня без присмотра.

Я уже подумывала о том, чтобы вслух заявить о нормальном самочувствии и предложить обойтись без врача, когда услышала мужской голос, донесшийся из коридора.

– Нет, я не собираюсь его оперировать. Это полная ерунда, Рей! Ни черта его родинка не опасна. Да наплевать мне, что он говорит! Пусть сам ее удаляет, если считает нужным. Но это будет все равно что отгрызть себе ногу из-за того, что камушек попал в ботинок.

Говорящий наконец появился в поле нашего зрения. Брюнет лет сорока, весьма интересный внешне, несмотря на короткий шрам у виска, был одет примерно в такую же серую форму, что у остальных, но я уже сумела определить офицерские погоны, а также заметила небольшую нашивку с красным крестом на левом рукаве. Впрочем, догадаться, что это врач, нетрудно было и по содержанию разговора, который мужчина вел при помощи круглого связного устройства, отдаленно напоминающего часы.

– Да, я хирург и люблю свою профессию, – произнес он после кратковременной паузы, во время которой, вероятно, слушал ответ своего собеседника. – Если так хочет, пусть придет ко мне, и я удалю ему какую-нибудь ненужную часть тела. Например, голову. Он все равно никогда ей не пользуется.

С этими словами врач раздраженно снял дистанционный наушник, щелкнул по переговорному аппарату и уставился на нас.

Я испытала почти непреодолимое желание поскорее присоединиться к прячущемуся в сумке Хоббиту и застегнуть сверху молнию. Кажется, здешний медик не горел желанием принимать пациентов.

– Доктор!

Мой сопровождающий козырнул. Брюнет небрежно махнул рукой, что, по-видимому, приравнивалось к команде «Вольно!».

– Вот, это девушка с встречного корабля, Марина...

Парень, похоже, не запомнил мою фамилию, а я решила без крайней необходимости ее не называть, поэтому представление осталось неполным. Но большего, кажется, и не требовалось.

– Можете быть свободны, Белл, – кивнул медик. После чего как будто забыл о существовании радиста (каковой, впрочем, и сам поспешил скрыться в неизвестном направлении) и переключился на меня. – Брэндан Уолкс, бортовой врач, – назвал себя он. Я немного расслабилась. Этот, правда, не демонстрировал зубы в улыбке, как только что ушедший вэбээсник, но, по крайней мере, разговаривал вежливо и неудовольствия в связи с моим присутствием пока не выказывал. – Полагаю, вы бы предпочли доктора женского пола, но, к сожалению, у нас такого нет. Однако вы имеете право на присутствие свидетельницы при осмотре. Сейчас я это устрою.

И, даже не дав мне шанса высказаться, он снова надел наушник. Похоже, мое видение ситуации никого не волновало.

– Гайка? Занята? Вот и отлично. Тогда, будь добра, зайди ко мне в медотсек.

Я только успела сообразить, что во второй раз услышала это таинственное имя, а врач уже оставил меня одну, бросив напоследок:

– Она скоро будет. Подождите еще немного.

И исчез в своем кабинете, только спина успела мелькнуть. Правда, дверь оставил приоткрытой. Ладно, подождем, куда теперь деваться? Я осторожно просунула руку в сумку и погладила шерстку длинноклюва.

– Привет! А вот и я!

Подняв голову, я увидела перед собой девушку, которая, в свою очередь, с любопытством разглядывала меня. Стандартная для этого корабля форма на удивление хорошо сидела на ее женственной фигуре. Расстегнутая верхняя пуговка создавала декольте, которое, несомненно, мешало сосредоточиться на работе многим мужчинам, в серых глазах плясали искорки, а длинные, загнутые вверх ресницы словно говорили: «Вообще-то я белая и пушистая». Волосы были собраны на макушке при помощи нескольких заколок, а из многочисленных карманов торчали инструменты, дощечки и куски кабеля.

– Меня зовут Гайка, – предсказуемо сообщила девушка. – Я бортмеханик. А ты – та самая пассажирка с корабля контрабандистов?

Я кивнула. Вряд ли на «Галалэнде» были другие женщины, которым хватило ума, а точнее, дурости полететь автостопом с уголовными элементами.

– Марина.

Я протянула руку, девушка с удовольствием ее пожала и устремила взгляд на приоткрытую дверь.

– Ты туда? – спросила она.

– Да.

– Пойдем?

Возражений я не имела, так что, поднявшись на ноги (сиденье сразу же приняло вертикальное положение, застыв параллельно стене), подхватила с пола сумку.

Медотсек был оснащен на высшем уровне. Хотя я и не врач, но, даже будучи специалистом по зоологии, могла оценить увиденное. Самое современное оборудование, аппаратура,

позволяющая проводить сложнейшие проверки, и вполне полноценная, пусть и небольшая, лаборатория за прозрачной стенкой. За отдельной дверью, уже не прозрачной, располагалась, судя по надписи, операционная.

– Там вы головы отрезаете? – вырвалось у меня при воспоминании об услышанном телефонном разговоре.

Вообще-то обычно я лучше контролирую собственные высказывания, но сейчас, видимо, своеобразно проявился сильный стресс. Надо было попросить у Тима немного алкоголя из той фляги; возможно, успокоив таким образом нервы, я вела бы себя более адекватно.

Доктор, поверх формы которого красовался сейчас одноразовый синий халат, даже не обернулся, продолжая что-то искать в выдвинутом из шкафа ящике.

– Бывает. – Мой вопрос не только не выбил его из колеи, но даже не вызвал ни малейшей заминки. – Я храню коллекцию в аквариуме с формалином, хотите взглянуть?

– Спасибо, в следующий раз.

– В следующий так в следующий, – покладисто согласился врач и, наконец найдя искомое, повернулся к нам.

В руке он держал аппарат, с виду напоминавший простую узкую ленту, но на свет несложно было разглядеть перевивавшиеся внутри проводки.

– Присядьте. Ты тоже садись, – добавил он, обращаясь к Гайке.

Я послушно заняла место пациента, а вот бортмеханик пока не торопилась.

– Слушай, Брэн, ты попросил меня все бросить и примчаться сюда. Я уже было обрадовалась! – попеняла она, опираясь локтем о стол и рассматривая лежавшие там стетоскоп и фонарик для проверки горла.

– Продолжай радоваться, – посоветовал доктор, которого такая фамильярность, похоже, нисколько не раздражала. – Но сидя. – Он отодвинул стетоскоп подальше. – Просто побудь здесь в качестве наблюдателя, так для нашей гостьи будет комфортнее.

И снова меня о моем личном комфорте никто не спросил. Я уже начинала к этому привыкать. Впрочем, против присутствия Гайки я ничего не имела. Главное – это как можно скорее завершить визит в медотсек, добраться до своей каюты и выпустить наконец Хоббита из сумки!

– Не вопрос.

Девушка без проволочек уселась на стул, предварительно переместив его ближе к стенке. Врач обогнул стол и приблизился ко мне, держа наготове ленту.

– Вашу руку?

Я закатала левый рукав, попутно не без удивления обнаружив, что он, оказывается, успел изрядно испачкаться, а один шов потихоньку разъезжался. Врач сперва приложил к моему запястью большой палец, затем плотно обвил руку лентой. В воздухе мгновенно высветились цифры. В течение нескольких секунд они быстро менялись, затем стали более-менее фиксированными.

– Давление сто тридцать на девяносто два, пульс девяносто пять, – вслух зачитал Уолкс, выждав для верности еще немного. – Высоковато, но, учитывая обстоятельства, ничего сверхъестественного. Я дам вам успокоительное, выпьете его чуть позже, когда мы закончим проверки. – Он снял с меня ленту, и показатели тут же погасли. – Проходите, раздевайтесь.

Док указал на высокую ширму, а сам выдвинул из-за шкафа еще одно кресло, надавил на какой-то сенсор, и я к ужасу своему поняла, что оно раздвигается, принимая форму гинекологического.

– А давайте не будем.

Я хотела говорить жестко, по меньшей мере уверенно, но, боюсь, мой голос прозвучал скорее умоляюще.

Врач сосредоточенно молчал, хмурия брови.

– Может быть, вас смущает присутствие девушки? – предположил он. – В таком случае мы попросим ее покинуть отсек.

Думаю, от внутреннего напряжения мой пульс участился. Мне было не нужно, чтобы отсек покидала Гайка. Я предпочитала покинуть его сама, притом как можно быстрее. И дело уже было не в длинноклюве. Говоря откровенно, в тот момент я и думать забыла о зверьке. Мне просто безумно не хотелось проходить эту проверку, и все тут.

– Девушка тут ни при чем, – заверила я, держась обеими руками за подлокотники, словно боялась, что меня вот-вот начнут вытаскивать из кресла силой. – Просто я не считаю нужным дальнейшее обследование. Давления, пульса и успокоительного вполне достаточно.

Врач постоял, сцепив руки и как будто что-то взвешивая.

– Я понимаю ваше нежелание проходить осмотр, – осторожно произнес он наконец. – Но постарайтесь понять и меня. Я не имею права отпустить вас без обследования. А вдруг вам все-таки требуется медицинская помощь?

Я вздохнула, понимая, что веду себя глупо и в то же время просто не могу заставить себя пойти ему навстречу. Вопреки предположению Уолкса, пол врача меня не смущал. Но, во-первых, после того, через что я успела пройти, сама мысль о раздевании выбивала из колеи. Одежда воспринималась как броня, единственное, что охраняло от опасностей внешнего мира, и я до боли, до истерики не хотела ее снимать. Кто при этом присутствовал – женщина или мужчина, один или двое, – значения уже не имело. А во-вторых... отчего-то мне вдвойне не хотелось раздеваться именно при Уолксе. Тут я уж совсем не могла бы объяснить почему. Он вел себя со мной корректно, чувства неприязни не вызывал, пожалуй, даже наоборот, его общество было приятно. К мужчинам-гинекологам я прежде ходила, и неоднократно. Словом, я сама не могла разобраться в своем внутреннем состоянии, но ситуацию надо было как-то разруливать.

– Послушайте, дело в том, что... не знаю, что именно вам рассказали о случившемся на том, втором корабле, «Пичуге», – сбивчиво заговорила я, – но на самом деле ничего серьезного не произошло. Меня... – я смотрела в пол и с трудом заставила себя выговорить следующую фразу, – не изнасиловали. Это была только попытка, не удавшаяся благодаря вашим людям. – Теперь я не медлила после каждого слога, а, наоборот, тараторила, чтобы скорее уйти подальше от того травмирующего слова. Отгородиться от него как можно большим числом предложений и оставить далеко позади. Это как когда съешь случайно что-то горькое, а потом спешно пытаешься заесть другими блюдами, чтобы поскорее избавиться от неприятного привкуса во рту. – Поэтому никакого лечения не нужно. Я в полном порядке, физически не пострадала, и в осмотре действительно нет необходимости. У меня совершенно нормальное состояние.

Закончив свой монолог, я вопросительно посмотрела на дока. Возражений он не высказывал, вместо этого предложил:

– Вы не могли бы пройти вот сюда, на минуту?

Звали меня не в сторону пугающего кресла и даже не в направлении ширмы, а к раковине для мытья рук, над которой крепились три крохотных краника. Один с водой, другой с мылом, третий со специальной дезинфицирующей жидкостью. Таким нас не удивишь, у нас в лаборатории все то же самое.

– Взгляните.

Как оказалось, позвали меня сюда не ради раковины, а ради висевшего на уровне головы и плеч зеркала. Я покорно в него заглянула. Отраженное лицо вытянулось от удивления и медленно повернулось к стеклу левой (моей – правой) стороной.

Синяк, переливавшийся разнообразными оттенками красного и фиолетового, казался, задался целью охватить всю скулу, щеку и глаз и основательно в этом своем стремлении преуспел. То-то меня не покидало ощущение, что я вижу чуть хуже обычного, вот только мозг недостаточно хорошо работал, чтобы задуматься о причинах. Я инстинктивно дотронулась

до живописной картины на своем лице, достойной кисти лучшего абстракциониста, и тут же отдернула руку, зашипев от боли.

– Вы уверены в том, что это ваше нормальное состояние? – уточнил врач без особого сарказма, но с откровенным намеком на то, что лечения не избежать.

– Ну а что? Зато своеобразно. Выражается яркая индивидуальность, – заметила я, поворачиваясь перед зеркалом так и эдак, чтобы получше рассмотреть со всех ракурсов результат недавно полученного удара. – И потом, так на меня точно никто не позарится.

– Я вас заверяю, что на этом корабле вам ничто не угрожает. – Сейчас врач говорил предельно серьезно. На секунду даже показалось, что в случае необходимости он готов удостовериться в этом лично. – Но у женщин... – какое-то время он подбирал слова, – ...в вашей ситуации, как правило, бывает немало гематом. Поэтому я все-таки должен вас осмотреть.

– А может быть, просто отрежете мне голову? – вздохнула я, чувствуя, что такой шаг разом решил бы массу проблем. – Смотрите, какая красота! У вас наверняка еще нет такого экспоната!

– Экспонат действительно стоящий, – согласился док, – но в данный момент мой коллекционный аквариум забит под завязку. Так что давайте подождем другого раза. Как только освободится место, я вас сразу же извещу.

– Не верю я вам. – Ощувив изрядную усталость, я отступила обратно к креслу и опустилась на краешек. Судя по той внимательности, с которой врач наблюдал за этим процессом, мой шутиливый тон не обманул его ни на секунду. – Небось у вас уже целая очередь из желающих попасть в эту коллекцию.

– Очередь не очередь, но пара-тройка кандидатур имеется, – заверил Уолкс.

Я подняла на него просительный взгляд.

– Послушайте, давайте сделаем так. Я разденусь, но только до белья. Гинекологическую проверку проводить не будем, в ней действительно нет необходимости. А на предмет гематом вы меня, так и быть, осмотрите.

– Вы вполне уверены в том, что факта изнасилования не было? – спросил он, по-рентгеновски глядя мне в глаза.

Я чуть не поперхнулась.

– Естественно, уверена! – Впрочем, мое удивление быстро сошло на нет. – Намекаете на частичную амнезию в качестве защитной реакции? Да нет, я, конечно, не в самом адекватном своем состоянии, но все не так серьезно. Если хотите, можете переговорить с моим спутником, он все видел и сможет подтвердить мои слова.

Врач еще несколько секунд подумал, затем кивнул.

– Хорошо. В таком случае давайте осмотрим ваши гематомы и разойдемся с миром.

Я облегченно выдохнула. Не знаю, что на меня накатило, обычно к гинекологам-мужчинам я хожу совершенно спокойно, но представлять в первозданном виде перед этим конкретным доктором не хотелось катастрофически.

Синяков оказалось много. Но ничего потенциально опасного, видимо, не обнаружилось; во всяком случае, для лечения врач использовал исключительно исцеляющую бумагу двух видов, отличавшихся, на мой непрофессиональный взгляд, лишь цветовыми оттенками. Прикладываемый к гематоме медикамент работал быстро, и, учитывая относительную несерьезность повреждения тканей, полноценное исцеление ожидалось в течение пары часов.

Помимо визуального осмотра, Уолкс тщательно прощупал мой позвоночник, но предпринимать ничего не стал, из чего я заключила, что спину мне не покалечили. После того как я оделась, он вручил мне упаковку таблеток со словами:

– Это успокоительное. Можно принимать до двух таблеток в день, утром и вечером. Возможна сонливость как побочный эффект, поэтому не переходите на ручное управление флаером.

Затем он указал мне на стул рядом с девушкой.

– Посидите несколько минут. Если будете нормально себя чувствовать, пройдите в свою каюту и немного полежите. Гайка, проводишь? Каюта номер... – он сверился с тем же круглым устройством, по которому прежде переговаривался с капитаном, – ...ноль-двенадцать.

– Не вопрос! – бодро откликнулась бортмеханик.

После этого врач куда-то вышел, а девушка повернулась ко мне.

– Слушай, и как тебя угораздило попасть к контрабандистам? Ничего, что я на «ты»? – уточнила она несколько запоздало.

– Нормально. Да мы автостопом с ними добирались. За деньги, конечно. Просто не знали, чего ожидать.

Врать мне не хотелось, я вообще это дело не люблю, тем более в отношении людей, которые оказывают мне помощь или просто по-дружески относятся. Но и сказать всю правду не могла: в данном случае это было бы губительно, к тому же таким образом я бы подставила Тима.

– Ничего себе ужасик! – присвистнула Гайка.

– Да уж, повезло, что ваш корабль поблизости оказался.

– Вот же гады! – скривила губы девушка, ясное дело, имея в виду не своих сослуживцев. – Слушай, а хочешь, по дороге к тебе в каюту спустимся вниз и что-нибудь им устроим?

– Что, например? – скептически поинтересовалась я.

– Не знаю, какую-нибудь гадость... – задумчиво протянула бортмеханик. – Зуб за зуб? Хотя нет, слишком много чести им будет. Если захотим кого-нибудь насиловать, здесь на корабле посимпатичнее мужчины найдутся.

Я невольно прыснула со смеху. Из уст этой девушки даже слово «насиловать» уже не звучало таким страшным.

– Можем газ какой-нибудь им в камеру пустить. Неприятный.

Она поджала пухлые губки и так серьезно задумалась, будто и вправду собиралась отправиться за баллоном с отравляющим веществом.

– Давай лучше не будем. – Я решила на всякий случай расставить точки над «i». – Не хочу их больше видеть никогда. А у вас на корабле есть еще женщины, кроме тебя?

– Есть, – оживилась девушка, и я поняла, что удачно сменила тему. – Но мало. Мужчин намного больше. Шовинисты они здесь все-таки. Если захочешь, когда отдохнешь, приходи в кают-компанию, я тебя с ними познакомлю.

Я не стала уточнять, с кем именно мне предстоит знакомство – с шовинистами или все-таки с местными женщинами, но решила исходить из предпосылки, что и с теми, и с другими.

– У нас есть девушка-аналитик, – продолжала рассказывать Гайка. – Саманта, она недавно вышла замуж за капитана. Ой, ты что, там такая история была! – воскликнула она, заметив, как у меня от удивления округлились глаза. Романтические отношения на военном корабле не то чтобы представлялись совсем уж невозможными, но все же стали неожиданностью. – Но это не сейчас. Еще лингвист, дуэллистка. Плюс была одна девочка – компьютерный оператор, но недавно уволилась. И все! Остальные все мужики.

В этот момент дверь отъехала в сторону, впуская доктора, и разговор о неравенстве полов временно прервался. Врач подошел ко мне, нагнулся, опершись руками о колени, заглянул в глаза.

– Голова не кружится? – спросил он.

Я подозрительно прищурилась.

– А если я скажу «да», вы мне ее отрежете?

– Непременно, – заверил Уолкс, разгибаясь. – Отвезу к себе домой, на Истерну, и установлю вместо флюгера. Пускай кружится на ветру.

– Вы страшный человек, – поежилась я.

– Еще бы! Вам разве никогда не приходилось смотреть в плантернете жуткие ролики про врачей-убийц?

Я отрицательно мотнула головой.

– Мне только про зоологов-убийц приходилось.

– Вы что же, зоолог? – с интересом спросил док, немало впечатлив меня своей догадливостью. И в ответ на мой кивок добавил: – Выходит, мы с вами почти коллеги.

– Вот как? – хмыкнула я. – То есть вы относитесь к своим пациентам как к животным?

– Строго говоря, люди и есть животные, – констатировал врач, кстати сказать, весьма справедливо. – К тому же, полагаю, и вы относитесь к своим подопечным немного как к людям?

Это пронизательное замечание заставило меня ощутить, как на коже выступил холодный пот. Надеюсь, Уолкс не догадывается о том, что, а точнее – кто скрывается в моей сумке? Впрочем, по зрелом размышлении это представлялось маловероятным.

– Меня интересует, как ваш организм воспринял такое количество целебной бумаги, – все-таки снизошел до объяснений док. – В некоторых случаях у пациентов наблюдаются такие побочные эффекты, как головокружение. Поэтому я позволю себе повторить свой вопрос.

– Все в порядке. Я чувствую себя совершенно нормально, – заверила я почти что искренне.

Врач немного помолчал, будто прикидывая, насколько мне можно доверять.

– Хорошо. В таком случае вы можете идти. И кстати, – он уже собирался отправиться своей дорогой, но снова обернулся, – браво. Ваше самообладание впечатляет. И стратегия психологической защиты тоже.

И вышел, а я так и застыла на стуле, не веря своим ушам. Из состояния оцепенения меня вывела Гайка, которая, как оказалось, давно уже поджидала у двери.

– Ну, ты идешь?

Я вздрогнула и мотнула головой, потом, подхватив сумку, присоединилась к бортмеханику.

– Просто меня здорово удивил ваш врач. Как-то не ожидала от него таких хвalebных речей, – призналась я, когда мы бок о бок шагали по коридору.

Девушка рассмеялась.

– Да что ты, док – душка! Ну, правда... хм... смотря с кем, – поправились она затем. – Был у нас на другом корабле один парень, почти твой коллега, тоже биолог, только он растениями занимался.

– Ботаник? – подсказала я.

– Угу. Вот над ним Брэн измывался нещадно. Язва он, конечно, та еще. – Судя по тону, которым были произнесены эти слова, в глазах Гайки сие был не минус, а жирный плюс. – Правда, потом он того парня в шикарную лабораторию устроил. Можно сказать, обеспечил головокружительную карьеру.

– В качестве компенсации за моральный ущерб? – хмыкнула я.

– Пожалуй, не без того, – хихикнула девушка. – Хотя и другие причины имелись.

Переборка, отгораживавшая жилой отсек от рабочего, отъехала в сторону, и по обе руки от нас потянулись одинаковые двери. На каждой, будто в гостинице, значился номер.

– Тебе сюда, – объявила девушка, когда мы поравнялись с входом, на котором красовалось число «012».

Она на всякий случай первой распахнула дверь, убедилась, что внутри все в порядке, и затем пропустила меня.

– Заходи, отдыхай. Кровать застелена, душ есть, компьютер, в общем, все, что нужно. Если попозже захочешь пообщаться, свяжись со мной. Набери код 3204 вот здесь. – Она указала мне на переговорное устройство, встроенное в стену. – Я сейчас сбегая на работу, кое-что там подправлю, а через полчаса освобожусь. Может вместе сходить в кают-компанию.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Глава 5

Надо, Федя, надо!
Фильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»

Гайка на прощание махнула рукой, и исчезла, а я осталась в гордом одиночестве. Впрочем, ненадолго. Первым делом раскрыла сумку и выпустила наконец на свободу пострадавшего взаперти Хоббита. Погладила его, прижала к себе, причем он, кажется, ответил мне тем же. Потерся о мой бок своей короткой шерсткой, а потом пару раз провел по руке мягкой частью когтистой лапки. Я выудила из пакета сразу две морковки и всучила зверьку, после чего тот полностью сосредоточился на лакомстве.

Стоило мне усесться на кровать, а затем утомленно откинуться на подушку, не отрывая ног от пола, поскольку на то, чтобы разуться, сил попросту не оставалось, как дверь приоткрылась, и в каюту тихонько скользнул Тим. Я поспешила вернуть себе вертикальное положение, но хранила молчание до тех пор, пока переборка окончательно не задвинулась, максимально отделяя нас от коридора.

– Как прошел разговор с капитаном? – громким шепотом осведомилась я, хватая приблизившегося попутчика за руку.

– Благополучно, – успокоил меня тот, не шепотом, но тоже понизив голос. – Я бы сказал, ко взаимному удовлетворению. – Он запнулся, от души чихнул и продолжил: – Мы с капитаном остались довольны друг другом. Я сообщил ему полезную информацию о контрабандистах, а он не стал особо расспрашивать про нас с тобой.

– Это не подозрительно? – нахмурилась я, потирая виски в стремлении простимулировать работу мозга.

К сожалению, в моем нынешнем состоянии эффект был так себе. Хорошо еще, что я не стала пока принимать врученные Уолксом таблетки. Только побочных эффектов в виде сонливости и заторможенности мне сейчас и не хватало.

Вор пренебрежительно сощурился.

– Мы для них – не более чем свидетели. В остальных качествах никакого интереса для ВБС не представляем.

– А если контрабандисты начнут говорить? – не успокаивалась я. – Они ведь вроде бы тебя знают?

Тим фыркнул еще более пренебрежительно.

– Ничего конкретного они обо мне не знают, а доказать уж тем более не могут.

Я снова перешла на шепот.

– Но они знают, что ты вор!

– И кому, по-твоему, поверят? Преступникам, которых поймали на горячем, или двум законопослушным гражданам, которые помогли раскрытию преступления и вообще изо всех сил сотрудничают со следствием?

Не могу сказать, чтобы Тим окончательно и бесповоротно меня убедил, но оставалось лишь надеяться на то, что он прав. Как-никак он вор со стажем, а я в подобных делах чистой воды дилетант.

– Значит, так. – Попутчик перешел на серьезный тон. – Запоминай. Мы с тобой собирались лететь на Митос. Приехали в космопорт. Хотели попасть на «Небесный журавль», но там не осталось свободных мест. Это правда, все билеты действительно были раскуплены. Мы расстроились, но к нам подошел человек и предложил подбросить до места. Цену он запросил высоковатую, но мы спешили и потому согласились. Лицензию на межпланетные перевозки они предъявили, с ней все было в порядке – во всяком случае, насколько мы могли судить. Об

остальном мы на тот момент, когда садились на их корабль, не подозревали. Дальше поняли, что попали, мягко говоря, не туда, но было поздно. Если, пока мы не виделись, ты говорила что-то, что противоречит этой легенде, выкладывай, будем думать, как все устаканить.

Он снова душевно чихнул, потом умиленно поглядел на дожевывающего вторую морковь длинноклюва и погладил того по спинке. Зверек воспринял сей панибратский поступок благосклонно, но от своего дела не отвлекся.

– Да нет, вроде бы все совпадает, – нахмурившись в стремлении ничего не забыть, проговорила я. – Как-то старалась на эту тему особо не распространяться, да меня, в общем, и не расспрашивали. А так я тоже сказала, что мы с ними автостопом полетели, упомянула, что деньги заплатили (иначе нелогично было бы), и, кажется, все.

– Молодец, – похвалил Тим, после чего шмыгнул носом. – Слушай, а ты знаешь, что меня местный врач выловил? Прямо в коридоре поймал, на выходе от капитана. И к стенке прижал...

Он замялся и замолчал.

– Ну? – Я даже рассердилась – так сильно хотела узнать, о чем шла речь. – Чего он хотел?

– В общем, – вор отвел глаза, – спрашивал, был ли на «Пичуге» факт насилия. В смысле, завершённый.

Из моей гортани вырвался своеобразный смешок.

– Это ж надо! – выдохнула я. – То есть на слово мне так-таки не поверил, пошел проверять!

Тим непонимающе выпучил глаза.

– Он же врач. Что, сам определить не мог? – недоверчиво пробормотал он.

– Не мог. Я не далась.

– Чего?

Вор не сдержался и все-таки чихнул, а затем выпучил глаза еще сильнее.

– Отказалась от проверки, – пояснила я.

– С ума сошла, что ли? – изумился он.

Эта реакция вызвала во мне приступ раздражения. Что я теперь, каждому встречному-поперечному должна объяснять, что гинекологический осмотр – это вообще не самая приятная процедура в жизни любой женщины, а сейчас мне не хотелось проходить его вдвойне?

– Слушай! – Я уперла руки в бока. – Ты кто такой вообще? Да ты мне в студенты годишься! Учить он меня еще будет.

Я эмоционально махнула рукой, в результате чего пальцы на короткий миг оказались буквально в паре миллиметров от лба собеседника. Я замерла, давая мозгу время правильно интерпретировать сопутствовавшие ощущения.

– Да у тебя же жар! – всплеснула руками я, начисто забыв о недавнем гнев.

– Подумаешь, открытие, – фыркнул Тим. – И не жар, а так, простыл немного... Апчхи!

Хоббит вздрогнул от неожиданности и даже выронил на кровать последний кусочек морковки.

– Вот сейчас как миленький пойдешь, найдешь доктора и передашь себя в его полное распоряжение, – требовательно заявила я.

– Может, не надо? – попытался отвертеться вор, но вынужден был зажать переносицу, чтобы предотвратить очередной чих.

– Надо, – с садистскими нотками в голосе заверила я. – Второй этаж, от лифта налево. – И, видя, что Тим понуро, но все-таки направился к выходу, намеренный последовать моему совету, не удержалась и добавила: – И если он порекомендует тебе гинекологическую проверку, соглашайся без разговоров!

Оставшись в одиночестве (во всяком случае, если считать только гуманоидов), я снова повалилась на подушку и, по-прежнему не в силах снять ботинки, уснула. Уже проваливаясь в

забыть, на краю сознания успела почувствовать, как крутится длинноклюв, поудобнее устранившись рядышком.

Судя по мягко светившимся на стене каюты часам, проснулась я всего сорок минут спустя. Вероятно, в мозгу отложились слова о получасовом отдыхе, в результате чего сработал биологический «будильник». А может, все дело в том, что я успела поспать днем в отеле, поэтому сейчас, ночью, организм в меньшей степени нуждался в объятиях Морфея.

Почувствовав мое шевеление, длинноклюв приподнял голову, щурясь заспанными глазами. Погладив его по слегка встопорщившейся шерстке, я предложила зверьку спокойно доспать, а сама, порывшись в сумке, отправилась в душ. Кабинка оказалась тесной, но в воде недостатка не было, как холодной, так и горячей. Упаковка шампуня тоже имелась. Впрочем, долго стоять под струями я не собиралась: не могу сказать, чтобы эта процедура доставляла мне особое удовольствие, в отличие, к примеру, от принятия ванны. Надела чистое белье и запасную пару брюк. Все это – исключительно ради ощущения чистоты. А вот блузку сменить пришлось еще и потому, что старая надорвалась в нескольких местах. Возможно, будь я более умелой в таких традиционно женских занятиях, как шитье, ситуацию реально было бы исправить. Но мои руки работают значительно хуже, чем голова, если, конечно, речь не идет о набирании текста на виртуальной клавиатуре. Поэтому сомнений в том, что пострадавшую одежду придется выбросить, не оставалось. Хорошо хоть деньги на новые вещи имелись. Только бы благополучно добраться до магазинов, где ими можно будет обзавестись.

Тратить много времени на макияж я не стала. Выудив косметичку, слегка подвела глаза и смягчила при помощи пудры синяк, который хоть и успел существенно уменьшиться со времени посещения медотсека, но все-таки окончательно еще не исчез.

Наспех причесавшись и снова перехватив волосы резинкой, я набрала на переговорном устройстве комбинацию «3204».

– Да? – ответил из динамика голос, в первый момент показавшийся незнакомым.

– Гайка? – засомневалась я.

– О, Марина! Привет! – бодро произнесли с той стороны, и я поняла, что говорю все-таки с бортмехаником, просто техника искажает звук. – Молодец, что звонишь! Решила прогуляться? Сейчас я за тобой заскочу, отправимся на поиски приключений.

Приключений я не хотела, поскольку и без того уже нашла их на свою голову (чтобы не сказать на другую часть тела) более чем достаточно. Зато немного проветриться не мешало. Заверив длинноклюва, что скоро вернусь, и попросив его тихонько сидеть в каюте (кто знает, понял он или нет?), я вышла за дверь, чтобы встретить Гайку уже в коридоре.

К счастью, под развлечениями бортмеханик подразумевала исключительно прогулку в кают-компанию, весьма просторное помещение, где в данный момент обнаружилось пять человек. Среди них – Тим, уже чувствовавший себя в новом обществе как рыба в воде или, во всяком случае, умело создававший такое впечатление, Белл, который часом ранее провожал меня в медотсек, Картер, знакомый мне по «Пичуге», и еще двое военных, которых я видела впервые.

– Всем привет! – по-свойски махнула рукой моя спутница. – Это Марина!

Что за Марина, спрашивать никто не стал. Вероятно, на корабле о наших с Тимом злоключениях уже были наслышаны. Появление Гайки восприняли с воодушевлением. В кают-компании вообще царила веселая, молодежная атмосфера. Конечно, все эти ребята прошли необходимую подготовку и были профессионалами своего дела, но настоящих войн Новая Земля не вела очень давно. Поэтому, несмотря на то что участвовать в сложных операциях кораблю вроде «Галалэнда» наверняка приходилось, члены экипажа патрульной службы оставались скорее талантливыми ребятами, которым свойственна юношеская непосредственность, нежели многоопытными бойцами, травмированными ужасами войны.

Мне резво уступили место рядом с Тимом, кто-то подвинулся, чтобы Гайка могла сесть за стол – невысокий, крепившийся к стене и выкрашенный под дерево. Незнакомые парни были настроены благожелательно и с удовольствием представились. Одного, постарше, звали Мэтт, точное название его должности я не запомнила, но суть заключалась в том, что он был здесь главным по компьютерам. Второй оказался стрелком, по совместительству разбиравшимся во всякой электрике.

– У доктора был? – с требовательностью, какой не проявляла даже по отношению к студентам, осведомилась я у вора.

– Был, – с готовностью отличника откликнулся тот.

Говорил, судя по всему, правду. Я сидела совсем рядом и чувствовала, что прежним жаром приятель уже не пылал, к тому же он перестал чихать и шмыгать носом. Да и вообще вид имел цветущий. Так что я поощрила его поступок удовлетворенным кивком.

Пока мы обменивались репликами, Гайка успела оказаться в центре оживленного разговора членов экипажа. Вскоре она упомянула о том, что я зоолог, и это отчего-то вызвало настоящий ажиотаж.

– А каких животных вы изучаете? – спросил Белл.

– Инопланетных, в первую очередь млекопитающих, – начала объяснять я. Такие обсуждения всегда давались мне тяжело: попробуй объясни, почему ответ на столь элементарный, казалось бы, вопрос выходит далеко не простым. – Вернее, некоторые из них вскармливают детенышей жидкостью, которая очень сильно отличается от молока, но их все равно часто так называют, по привычке. Но вообще у меня довольно широкий профиль, и работать приходилось с очень разными видами. Все зависит от того, какие звери и птицы попадают в конкретную лабораторию. В последнее время я много занималась миенгообразными обезьянами.

– О! Миенгообразные обезьяны! – воскликнул Картер с такой радостью, словно я упомянула его ближайших родственников. Хотя сам он, без сомнения, был человеком и, следовательно, к вышеупомянутому виду отношения не имел. – А мне давно было интересно: это правда, что у миенжских птиц по четыре лапы?

– Да, – подтвердила я.

Стрелок-электрик тоже кивнул – видимо, ему доводилось бывать на Миенге. Я же просто многое знала про животный мир этой планеты.

– Но как такое может быть? – почти простонал Картер. – Птица – и четыре лапы? Что она с ними в воздухе делает?

– Нам трудновато себе представить, – улыбнулась я. – Но вообще ничего нелогичного в этом нет. Просто эволюция двинулась по другому пути. На Новой Земле у большинства позвоночных по четыре конечности. У людей это ноги и руки, у зверей – четыре лапы, у птиц – две лапки и два крыла. А на Миенге сложилось по-другому, там у всех, кроме насекомых, конечностей – шесть. У миенжцев соответственно две ноги и четыре руки, у миенгообразных обезьян тоже что-то в этом роде, а у птиц вот, кроме крыльев, четыре лапы.

Картер собирался не то сказать, не то спросить что-то еще, но тут дверь кают-компания отъехала в сторону, и к нам присоединился старший помощник капитана. Вид он по-прежнему имел подтянутый, спину держал ровно, одет был безупречно, но круги под глазами выдавали усталость.

– Вольно! – сразу же махнул он рукой присутствующим военным, которые не так чтобы вытянулись по стойке смирно, но во всяком случае поднялись со стульев, будто не вполне уверенные, как именно следует себя вести в такой неофициальной ситуации.

Колебались все, кроме Гайки: та изначально даже не думала подниматься на ноги, а вместо этого, наоборот, полуотвернувшись и скривив недовольную рожицу.

– Всем доброй ночи! – поздоровался Тонклорн, опускаясь на свободное сиденье.

Я ощутила легкий диссонанс: для меня эта фраза звучала скорее как прощание.

– Уже утро, сэр! – заметил Белл, кивая на настенные часы – точную копию тех, что красовались в отведенной мне каюте.

Я автоматически подняла глаза. И в самом деле, десять минут шестого. У нас на побережье в это время уже светает.

– Действительно, – признал справедливость поправки старпом, и в этот момент в его голосе тоже звучала усталость. – В насыщенные дни время летит быстро. Как вы освоились? – обратился он к нам с Тимом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.